К восходу солнца

Алексей Кулаковский

SHOUT
SHARE
IT

- Кулаковский Алексей

Кулаковский Алексей
К восходу солнца

Алексей Николаевич Кулаковский
К восходу солнца
Повесть
Перевод с белорусского Павла Кобзаревского.

Книгу известного белорусского писателя Алексея Кулаковского (1913 1986) составили его лучшие произведения, посвященные героической и трагической сущности войны (повести "К восходу солнца", "Белый Сокол", "Хлеборез"), тяжелой жизни послевоенной деревни (повести "Невестка", "Добросельцы") и дню сегодняшнему.

Каждому свое. Одни девочки в летние воскресные дни ходили в ближайший лесок, собирали там ранние грибы, рвали цветы. Другие вместе с родителями посещали парк, стадион или проводили время где-нибудь невдалеке от дома. А Светлана чуть ли не каждое воскресенье бегала в военный городок. Там ей было весело, там у нее были друзья. Кто бы ни стоял часовым у проходной будки, каждый пропускал Светлану. Бывало иногда и так, что почти у самых ворот ее встречал лейтенант Бондаренко. Они шли тогда вдвоем по выстланной камнями дорожке, обсаженной молодыми тополями, и все бойцы, попадавшиеся навстречу, приветствовали лейтенанта с особенным уважением. Девочка и лейтенант направлялись в конюшню, где их ждал Лютый, самый лучший скакун во всем полку. Хотя этого гнедого, в белых чулочках коня звали Лютым, однако же он был очень спокойным, любил ласку своего хозяина и еще больше - Светланин сахар. Когда девочка подходила ближе, он вытягивал к ней голову, тихо ржал и ловил мягкими губами ее руки.

В то воскресенье, с которого начинается наш рассказ, Светлана пришла в военный городок чуть ли не с самого утра. Угостив сахаром Лютого, девочка направилась в кабинет к своему отцу, потому что в это утро она его еще не видела. Случалось и раньше, что отец по выходным дням уходил в штаб, но сегодня он ушел из дому почему-то очень рано, когда Светлана еще спала.

В комнатах штаба слегка попахивало конским потом, но девочка даже и не ощущала этого. В их квартире в городе тоже такой запах, как отец ни старается, как ни просушивает свою одежду. Из приемной, расположенной рядом с отцовым кабинетом, доносился стук машинки. Светлана остановилась у двери. Ей почему-то не хотелось видеть машинистку.

Девочка нерешительно постучала в дверь, словно пришла к директору своей школы. Никто не отозвался, может, оттого, что машинка стучала сильнее, чем Светлана. Тогда она приоткрыла дверь. Машинистка оглянулась, приветливо кивнула, и ее пальцы снова ловко запрыгали по клавишам. Она всегда ласково встречала девочку. А отец почему-то нахмурился, увидев ее. Нахмурился и не очень дружелюбно проговорил, показывая на дверь кабинета:

- Побудь там, Света, пока я вот... Почитай что-нибудь.

Светлана зашла в кабинет, но лежавшие на столе журналы и книги так и остались нетронутыми. Она уселась на мягкий диванчик, подогнув загорелые коленки, и чуть не заплакала от обиды. Ей так хотелось погулять сегодня с отцом, сходить с ним на полигон, а может, и прокатиться вместе: он на своем Вихре, сером в яблоках, а она на Бондаренковом Лютом. И почему это отец работает, все что-то диктует и диктует машинистке? Могла бы она, эта машинистка, и не приходить сегодня. Никогда в выходные дни она не приходила. Нет, не зря так не хотелось Светлане видеть ее здесь. Если бы машинистка не пришла, то, наверно, можно было бы пойти с отцом на полигон.

Наконец Светлана успокоилась и принялась слушать, что диктует отец. Дверь кабинета была приоткрыта; в перерывах, когда машинка не стучала, было слышно, как отец шагает туда-сюда по приемной, как позванивают его шпоры. Но слов нельзя было разобрать: отец говорил очень тихо и машинка заглушала его голос. Скоро ли он кончит диктовать, скоро ли уйдет отсюда эта машинистка?

Медленно и скучно тянулись минуты. Конечно, во дворе было бы веселей: там подошел бы к ней Бондаренко и придумал что-нибудь интересное, веселое. Можно было бы пойти к пулеметчикам и покататься на тачанке. Но никуда не тянуло Светлану. Даже Бондаренко не хотелось ей видеть. Она все слушала, как стучит за дверью машинка, как глухо звучит голос отца. Слушала, ждала и сама не заметила, как заснула. Может, в этом был виноват душный день, а может, оттого так получилось, что ночью девочке снились страшные сны и она часто просыпалась.

Сколько времени проспала тогда Светлана, никто не знает, как не помнит этого и она сама. В памяти часто возникают только те первые минуты, когда она проснулась. Двери кабинета и приемной были распахнуты настежь. Отец о чем-то громко кричал в телефон, машинистка, хватая какие-то бумаги, опрокинула столик с машинкой. Во дворе что-то страшно гремело, лязгало, в окнах сверкал огонь. Нельзя было понять, сон это или ужасная

явь. И будто в этом непреодолимом сне и испуге перед самыми глазами мелькнуло дорогое, крайне озабоченное лицо отца, потом откуда-то, словно из густого дыма и пламени, выскочил Бондаренко. Светлана почувствовала под собою чьи-то твердые руки. Может, Бондаренко, а может, отцовские. Все закачалось, затряслось перед нею, что-то загудело над головою. Вдруг показалось, что она куда-то едет. Раскрыла на мгновение глаза и увидела шофера с бледным стриженым затылком, а рядом с ним - бойца в пилотке, надетой блестящей звездочкой назад. Она прижалась к стенке кузова, сощурила глаза, чтобы воспомнить, представить, что произошло, почему так долго не проходит этот страшный сон? И опять внезапно окунулась в какую-то кипящую волну, опять все скрылось с глаз, будто исчезло в бездне...

Потом уже глаза раскрылись, вероятно, оттого, что из-за тучки выплыло животворное летнее солнце и лучи его пронизали веки. И, увидев солнце, увидев чистое, спокойное небо над собою, девочка подумала, что теперь уж, наверное, прошел этот ужасный сон. На миг ей даже показалось, что она где-то у своего дома: будто возле того леска, за городом, куда часто бегали ее подруги, или на мураве полигона, где в свободные минуты любят отдыхать, наслаждаясь запахом молодого чебреца, кавалеристы. Вот и жаворонок поднялся над головой, затрепыхал крылышками, зазвенел. Если это полигон, то тут и речка недалеко.

Скоро придет отец, и побежим тогда вместе на речку. Напиться бы холодной воды, смочить бы голову... Болит что-то голова...

Невдалеке кто-то застонал, и сразу же умолкла песня жаворонка. Светлана приподнялась на локоть, огляделась вокруг. Перед нею колесами вверх лежал передок "газика". В первое мгновение девочке показалось, что колеса еще вертятся. В стороне, шагах в десяти, силилась встать какая-то девушка: она вытягивала руки, упиралась ими в землю.

- Подождите немножко! - сказала Светлана. - Я вам помогу!

Она вскочила на ноги, но мягкая трава будто провалилась под нею, и Светлана упала. Потом она все-таки подползла на коленках к девушке и попробовала помочь ей. И когда девушка кое-как встала и поправила на голове спутанные черные волосы, Светлана узнала в ней машинистку.

- Где это мы? - спросила девушка.

А Светлана смотрела на нее и не знала, что ответить. Ей только хотелось поскорее помочь девушке и помогать всем, если это надо. "Что с вами?" хотела она спросить машинистку, но та опередила ее:

- Тебе не больно, Света?

Девочка схватилась рукой за голову, и глаза ее налились слезами.

А машинистка тем временем разорвала на себе кремовую блузку:

- Дай я тебя перевяжу, Светочка.

Пока перевязывала, она совсем пришла в себя и поняла, что сама не ранена. Тревожно было только за Светлану. У девочки - пятно чуть повыше лба. Может, это только царапина, а может, и хуже. Нет ли еще ран?

У машинистки судорожно сжалось сердце. Но, усадив девочку к себе на колени, она сказала совсем спокойно:

- Маленькая у тебя ранка, Света, она почти и не видна. Это ты, наверное, ударилась, когда падала с машины.

Девочка обняла машинистку за шею.

- А что это случилось? Где мой папа? Где Бондаренко?

- Война, Светочка, - едва сдерживая слезы, сказала машинистка. Началась война.

Сдвинув не очень умело сделанную, наползающую на глаза повязку, Светлана еще раз взглянула на передок "газика" с висящими, словно для забавы, колесами и увидела вблизи него большую круглую яму, окаймленную свежим черноземом; увидела на траве и ту пилотку, что недавно поблескивала начищенной звездочкой. Больше не о чем было спрашивать.

Сначала они бежали по дороге почти одни. Изредка проходила машина или проносилась группа всадников. Встречные люди иногда и не знали, что случилось там, на границе, и смотрели на Светлану и машинистку удивленно, а то и подозрительно. Внешний вид их действительно вызывал удивление. Голова Светланы была обмотана кремовой повязкой, словно чалмой, а на плечах у машинистки болталась только половина блузки. Помнилось девушке, что брала она с собой косынку, когда выбегала из штаба, но косынка пропала, как пропал шофер, как пропал тот боец, что сидел рядом с шофером. Горячее летнее солнце жжет нестерпимо, красивые вьющиеся волосы могут выцвесть. Но бог с ними, с волосами. Только для того, чтоб не сомлеть от солнцепека, девушка подняла из канавки порыжевший лист газеты, свернула его корабликом и надела на голову.

С наступлением сумерек появились грузовые машины, заполненные ранеными. Много шло машин, чуть ли не одна за другой. Бойцы в повязках, а некоторые и без повязок, видимо подобранные по дороге, сидели кто где мог: вдоль бортов, на бортах, стояли, прижавшись грудью к покатой крыше кабины. Тяжело раненные лежали на соломе - кто на животе, кто на боку,

кто на спине.

Светлана, с согласия машинистки, начала голосовать: она тоже раненая, ее должны взять на машину. Но шоферы изо всей силы нажимали на газ. Они смотрели только на дорогу, следили сквозь боковое стекло, чисто ли небо, нет ли в нем того страшного лиха, от которого вот эти люди в кузове остались, быть может, калеками.

Наконец один шофер затормозил машину перед поднятой маленькой рукой.

- Перевязывать умеете? - спросил он, высунув запыленный чуб через выбитое боковое окно.

- Умеем, - ответила Светлана.

Чубатый недоверчиво усмехнулся и, взглянув на машинистку, приказал:

- Садитесь! Только быстро: раз, два! Вот бинты!

Бойцы, сидевшие на бортах, зашевелились, каким-то чудом освободили местечко возле себя и помогли девушкам влезть. Машина так рванула с места, что Светлана свалилась одному бойцу на голову, однако тот ничего не сказал, только улыбнулся, превозмогая боль, и осторожно отвел перевязанное плечо.

Кое-как примостившись, Светлана стала смотреть в ту сторону, где - она узнавала это по клубам дыма - должен находиться их военный городок. Может, он еще виден, может, удастся обнаружить хоть какие-нибудь приметы?

Нет, никаких примет уже не было. Густые клубы дыма, которые еще не так давно поднимались где-то возле городка и сливались с облаками, теперь, видимо, рассеялись или уже остались далеко позади и поэтому недостижимы для глаз. По всей дороге виднелись только машины и подводы...

Девочка стала присматриваться к своим соседям. Есть ли здесь кавалеристы? Кавалеристов она могла отличить всегда если не по синим петличкам, то по особому запаху. Ей почему-то казалось, что тут, в кузове, обязательно должен быть кто-нибудь из их полка. Если есть, она сразу узнает его.

Один боец лежал у самой кабины. Петлицы его гимнастерки залиты кровью, - нельзя было различить, какого они цвета. Голова перевязана приблизительно в том же месте, где и у Светланы. Волосы густо чернели на темени, а около раны не видно было ни одного волоска.

- Его хорошо перевязали? - спросила девочка у машинистки и незаметно показала глазами на бойца.

- Плохо, - тихо ответила машинистка, - но на такой дороге трудно поправить.

- Тетя, - вскоре опять заговорила Светлана. В ее голосе

слышались нотки горечи и искреннего доверия. - А у него такая же рана, как у меня, правда?

- Нет, что ты, - догадавшись, о чем думает девочка, быстро сказала машинистка. - У тебя совсем не такая, у тебя маленькая, просто царапинка. Твоя скоро заживет, и никакого следа не останется.

- А волосы? - несмело произнесла девочка.

- Все у тебя будет хорошо, - все, - успокаивала машинистка. - Ты не думай. Потом вот что, Светочка: не зови меня тетей. Меня Зиной зовут.

Девочка замолчала, все еще не сводя печальных глаз с перевязанной головы бойца. Зина почувствовала неловкость: не сказала ли она Свете неправду? Рана у нее небольшая, но кто знает, как она будет заживать. Кожа надо лбом содрана, возможно, и в самом деле не будут расти волосы. Вероятно, девочка чувствует это и не верит ее словам. И, наверное, ей жаль этого бойца, что лежит у кабины, и еще больше жаль отца, - он остался там, в городке.

Но ведь жаль и своих волос, таких пышных, золотистых. Их так любил и ласкал отец, так нежно и заботливо их некогда расчесывала мать. Давно уже нет у Светланы матери, умерла, а теперь вот и с отцом неизвестно, что будет...

Боец у кабины вдруг зашевелился, застонал, и Светлана испуганно отвела глаза.

- Воды-ы... - хрипло протянул он.

- Есть у кого вода? - спросила Зина.

- Давно нет, - ответил один из бойцов, опиравшихся на кабину.

- Хотя бы глоточек, Зиночка, - вдруг услышала девушка совсем рядом с собою. - Прямо ссохлось все внутри.

Зина оглянулась на этот голос.

- Откуда вы знаете мое имя? - спросила она, не разобрав еще толком, кто говорил.

- У меня же только глаза завязаны, - с нарочитой шутливостью ответил боец, - а уши ведь нет. Подслушал. Не обижайтесь...

Светлана тоже взглянула на этого бойца и чуть не вскрикнула от неожиданности: у него на гимнастерке были синие петлицы.

- Стучите шоферу в кабину! - громко приказала Зина, когда машина влетела на улицу какой-то небольшой деревушки.

- Не остановится он, - сказал боец, который первый заговорил с нею.

- Стучите! - твердо повторила девушка. - Мы его заставим остановиться.

Несколько бойцов забарабанили по кабине.

- Что такое? - крикнул шофер, притормозив машину.

- Воды надо набрать, - сказала Зина.

К удивлению всех, шофер сразу согласился и выключил мотор.

- И мне надо воды, - проговорил он, вытягивая из-под сиденья погнутую жестянку. - Только прошу: раз-два. А то фашист прет за нами.

Зина с помощью Светланы собрала у бойцов фляги, как можно быстрее наполнила их у колодца, шофер залил воду в радиатор, и машина помчалась дальше. Глотнув свежей воды, бойцы повеселели, стали смотреть на попутчиц с благодарным уважением, а сосед с завязанными глазами многозначительно произнес:

- В нашем полку тоже была Зина, машинистка. Хорошая, говорят, была девушка, но погибла, наверно. Ведь первые бомбы упали на штаб.

- Вы из того полка? - Светлана потянулась к нему, но Зина придержала ее за плечи и прижала к себе.

- Не надо, Светочка, - зашептала она, - не надо, родная... Лучше не расспрашивать... Не будем сейчас тревожить людей и себя...

- Светочка у нас тоже была, - неожиданно сказал боец. - Дочка командира полка.

Девочка дрожала от волнения, чуть не плакала, а Зина все крепче прижимала ее к себе.

- У вас такой тонкий слух, - грустно сказала она бойцу, чтобы хоть как-нибудь переменить тему разговора, - все слышите.

- Уши у меня хорошие, - согласился боец. - Большие. Видите? - Он обеими руками потянул себя за уши. - Потому и ловят всё.

"А мой папа? - порывалась спросить Светлана. - Не слышали ли вы чего-нибудь о моем папе?"

Боец, словно почувствовав желание девочки, стал рассказывать об однополчанах, сказал бы, может, и о командире полка, но в это время машина зачихала и, замедляя ход, начала двигаться судорожно, рывками.

- Приехали!.. - объявил наконец шофер, вылезая из кабины. - Съели все горючее.

Лица у бойцов сразу помрачнели. Зина же смутно почувствовала что-то похожее на облегчение: если бы не этот случай, то боец сообщил бы о смерти отца Светланы. Зина была уверена, что командир погиб.

- Да, это номер, - сказал боец с повязкой на глазах.

- Ну, ничего, - произнес шофер, поглядывая из-под чуба только на Зину. - Вы тут немного побудьте, а я сбегаю вот в ту деревню, достану хоть какого-нибудь горючего. - Он снова вытащил из кабины свою погнутую жестянку. - Я быстро: раз-два!

Шофер побежал, гремя жестянкой, и бойцы, что сидели на бортах, проводили его печальными и безнадежными взглядами.

- Теперь будем загорать, - проговорил боец из кавалерийского полка.

- Тише вы! - сказала ему Зина. - Надо сделать все, чтобы не стоять тут долго.

Она проворно соскочила с борта, вышла на середину дороги и начала настойчиво останавливать грузовики. Почти все шоферы останавливались, однако горючего пока никто не давал.

- А что бы мы делали с тем горючим, - все же не удержался боец с повязкой на глазах, - если бы нам его и дали? Разве вы, Зина, шофер?

- Я шофер, - вдруг заявил один из бойцов, стоявших у кабины.

- Руки и ноги у тебя целы? - спросил кавалерист.

- Руки-то целы, - ответил тот, - и нога одна действует. Зина! обратился он к девушке. - Посмотрите-ка, шофер оставил ключи или нет?

- Оставил, - ответила девушка, глянув в кабину.

- Значит, поедем.

И они, конечно, поехали бы, догнали бы где-нибудь своего чубатого шофера, если бы в это время над шоссе не появились вражеские самолеты. Все бойцы, кто хоть немного мог шевелиться, начали вылезать или просто выбрасываться из машины. В кузове остались только чернявый парень с перевязанной головой да еще несколько тяжело раненных бойцов. Зина попыталась высадить и их. Ей помогала и Светлана, но двоим им было трудно спустить на землю почти неподвижных людей. Тогда поднялся из кювета и приковылял к машине боец, назвавшийся шофером. Ловким движением сильных рук он опустил задний борт. Подбежал еще один военный с подвязанной рукой, с двумя треугольниками на петлицах, и они вдвоем стали принимать на руки бойцов, которые сами не могли даже шевельнуться.

Самолеты уже ревели над самым шоссе и над той деревней, куда чубатый шофер пошел искать бензин. Воинские машины вихрем проносились мимо заглохшего и словно уже никому не нужного грузовика. Шоферы гнали во всю силу, чтобы побыстрее найти место, где можно было бы замаскировать машины.

Фашистские стервятники стали заходить на шоссе. Они спускались совсем низко и били по машинам из пулеметов.

Светлана, прижимаясь к своей старшей подруге, при каждом взрыве бомбы вздрагивала, хваталась руками за голову. Ей казалось, что все самолеты висели как раз над ее головой и хорошо видели ее кремовую повязку, ее праздничное платье, тоже светлое, только с малиновыми полосками.

Было очень страшно: "А вдруг ударит по голове? Голова и так болит, и на ней уже, вероятно, не будут расти волосы. А у того чернявого, который лежал у кабины, наверное, еще сильнее болит голова. Где он теперь? Там, где мы его оставили, в кювете, или, может, отполз куда? Хоть бы на дорогу не выполз. Что-то не слышно его стонов".

Светлана начала думать о бойцах, которых они недавно сняли с машины, и о тех, что выскочили из кузова сами и лежат теперь где-то у дороги, живые или мертвые. "А сколько машин пошло дальше! И на них вот такие же раненые, как этот чернявый боец. Помог ли кто-нибудь им выбраться из кузова?"

Мысли о других немного успокоили Светлану. У нее вдруг мелькнула мысль, что скоро все кончится, что никакой осколок ее не заденет. Показалось даже, что боль начала затихать. Пройдет еще немного времени, и ранка заживет, ведь Зина очень хорошо перевязала ее. И волосы будут расти, как и раньше.

Да, да, скоро все кончится. Начнут выползать из кювета и придорожного жита бойцы из их машины, которая стоит и ожидает всех на шоссе. Те двое военных - однорукий и одноногий - помогут Зине устроить в кузове тяжелораненых, прибежит из деревни чубатый шофер, и поедут они уже без всяких помех до самого госпиталя. Кавалерист будет шутить в дороге, а Зина, возможно, позволит расспросить у него о военном городке...

Так казалось Светлане. А когда гул самолетов отдалился и Зина сказала, что уже можно выходить на шоссе, все предстало совсем иным. Машина оставалась на своем месте, но на ней не было капота, радиатора. Она стала значительно ниже, чем была, потому что скаты были прострелены. Боец, назвавшийся шофером, приковылял из жита на дорогу, посмотрел на грузовик и безнадежно махнул рукой.

В первые часы Зина все еще надеялась, что удастся поехать дальше: ждала шофера с горючим и хотя неуверенно, но все же верила, что он нечто придумает. Если уж никак нельзя поставить на ноги эту машину, то он, возможно, найдет другую. Но не пришел шофер в тот вечер, после налета, не пришел и ночью, и на следующий день. Кто знает, что случилось: может, ранило или убило человека.

Из ходячих больных остались возле тяжелораненых только

тот однорукий, с двумя треугольниками на петлицах, и шофер, раненный в ногу. Остался, правда, еще и кавалерист, но он сам не мог ступить без поводыря и двух шагов.

Первый день жили почти у самой дороги. Зина принесла из деревни лопату, отрыли щель, чтобы прятаться от воздушных налетов. Принесла она и немного спирта - выпросила у людей. Вдвоем со Светланой они промыли раны бойцам и наложили новые бинты всем пациентам своего маленького "госпиталя". Кавалерист, когда ему хорошо протерли глаза, узнал Светлану. Выяснилось, что у него повреждены не глаза, а надбровья и частично веки. Он просто крепко ушибся и порезался, когда вылетал из конюшни вместе с лошадьми, спасая их от бомбежки. Поняв, что слепым он не останется, да еще узнав Светлану, кавалерист так повеселел, что шутил даже тогда, когда никакие шутки были не ко времени. Весь "госпиталь" тоже с радостью воспринял его быстрое выздоровление, потому что в лагере прибавлялся еще один трудоспособный и очень полезный человек. Опасались, правда, чтоб он не дал маху из жита, как сделали некоторые его соседи по кузову.

Весь тот день урчали на дороге машины, тарахтели подводы, шли и шли люди. Зина время от времени выходила на шоссе, голосовала, упрашивала шоферов взять раненых бойцов. Мало кто останавливался, заметив ее поднятую руку, а если и останавливался, то, сочувственно взглянув на нее, показывал на свой кузов и снова торопливо включал мотор.

Под вечер вышли на дорогу вчетвером: кавалерист, которого уже все в лагере звали Грицко или Грицаем, однорукий командир отделения, Зина и Светлана. Растянувшись редкой цепочкой поперек шоссе, они упорно пытались останавливать машины. Один человек в штатской одежде сам принялся стучать своему шоферу, увидев впереди такую заставу. Он стоял в кузове у самой кабины и придерживал за веревочный повод корову.

- В чем дело, товарищи? - громко спросил он. - Подъехать хотите? Так нам же недалеко, всего каких-нибудь шесть верст. Раненый? Нет, раненых не могу. Вот девушек можно подвезти, если хотят.

Грицко и командир отделения стали на подножку машины.

- Попробуй только тронуться! - грозно предупредил Грицко шофера. Видишь, что это? - И показал камень.

- Может, так решим, - пошел на хитрость хозяин машины, видя, что ему не улизнуть. - Я доеду вот до той деревни, разгружусь, а тогда и пригазую за вами.

- Пригазу-у-ешь, - недоверчиво протянул Грицко. - Нашел дурней.

- Да что вы, товарищи! - начал возмущаться хозяин. - За кого вы меня принимаете? Сказал, подвезу, значит, подвезу. Горючего мало, но километров за десять подкину.

- Ну, поехали! - вдруг приказал Грицко. - Торговаться нет времени. Я провожу вас до деревни, и вместе вернемся. Поехали!

Он взглянул на шофера, и тот включил мотор, не ожидая команды хозяина.

Щуплый, но с очень энергичным и волевым лицом командир отделения соскочил с подножки. Он, конечно, согласился с решением Грицко, хотя в душе сомневался, что это пойдет на пользу. Уговорит хозяин кавалериста, и они двинут отсюда вместе. Зина доверяла Грицко больше, но и ее смутило его неожиданное решение.

Все трое возвращались назад с надеждой и тревогой в душе. Начинало темнеть, ночью машины идут, не включая фар, и ни одна не остановится, даже если ляжешь на дороге. А завтра?.. Кто знает, что будет завтра.

- Это Валькин отец поехал, - задумчиво и как-то глухо проговорила Светлана. - Валя со своей мамой в кабине сидела. Она хотела заговорить со мной, а мама дернула ее за руку.

- Почему же ты молчала? - удивленно спросила Зина. - Знакомые люди. Они взяли бы тебя, может, так было бы лучше.

- Я не хотела с ними ехать, - твердо сказала девочка.

Придорожный лагерь ожидал теперь своих посланцев с особенным нетерпением. Все раненые, даже те, кто чувствовал себя очень плохо, понимали, что сегодня обязательно надо найти какой-то выход. Каждый раз, когда Зина отправлялась на шоссе, они провожали ее ласковыми, доверчивыми взглядами, а потом, ожидая, считали минуты. Последний выход четверых еще больше обнадежил их, и тут уж каждая минута казалась часом. И все верили Зине, надеялись на нее. Если сегодня Зина ничего не добьется, то что же будет дальше, что ждет всех впереди? Продуктов почти нет - мало кто в тревоге успел захватить рюкзак. С водой тоже не просто. А что уж говорить о лечении, о медикаментах.

Узнав, что Грицко уехал на грузовике и скоро должен вернуться с машиной, лагерь немного повеселел, а хромой шофер стал уверять, что он доедет на этой машине хоть до самой Москвы и каждого довезет, куда надо. Попросили Машкина - так звали щуплого командира отделения - пойти на дорогу подежурить, чтобы сразу же дать всем знать, как только подъедет Грицко.

Однако прошел час, второй, а машины не было. Уже всё подготовили для быстрой погрузки, шофер даже смастерил

носилки для переноски лежачих больных, а от Машкина - никаких вестей. "Сбежал Грицко, - стали думать некоторые, - использовал удобный момент".

Тревожные мысли охватили и Зину, уже и она начала терять надежду на кавалериста. И тут прибежал в лагерь Машкин. Он сел на сноп зеленого жита рядом с Зиной и, отдышавшись, сказал:

- По-моему, друзья, это немцы!

Все, кто мог, повернули к нему головы.

- Я долго лежал в борозде, - продолжал командир отделения, - хотел убедиться. Сначала проехали мотоциклисты. В темноте не разберешь, я еще сомневался. А потом пошли бронемашины, и я увидел: техника не наша, люди не наши. Значит, нас обошли.

- Будем сидеть тут, пока тепло и за шею не льет, - попытался пошутить шофер.

Но никто не поддержал его шутки, никто даже не взглянул в его сторону. Многим вспомнилось, что в самом деле с час назад была какая-то зловещая тишина на шоссе: не слышно было гула машин, людского говора, тарахтения колес. Вероятно, последние из наших отошли, а враги еще не пришли.

Представив себе все то ужасное, что произошло, Зина почувствовала, как похолодело у нее в груди. Что же делать, за что браться, какими советами поддержать раненых? Пока за спиною были свои части, пока на границе - она знала - шла героическая борьба, пока полк, в штабе которого она служила, был еще на своем месте и тоже сражался против врага, в сердце жило неиссякаемое стремление бороться, побеждать все трудности. Она готова была изнывать без воды, голодать, стоять под пулями и под бомбами, чтобы только хоть чем-нибудь помочь фронту, помочь бойцам, которых она видела каждый день. А когда за спиной - страшно подумать! - уже ничего нет? Если враг ступил на нашу землю, занял тот чудесный лесок возле военного городка, который за последние годы стал ей родным, пробрался на зеленые улицы, запоганил тот маленький, обвитый плющом домик, где осталась ее мать? Зине вдруг показалось, что уже бессмысленно бороться, что руки уже начинают опускаться и ей не найти слов, чтобы утешить беспомощных людей, молча лежащих перед нею. Светлане тоже передалось общее настроение, и она всем своим тельцем прижималась к Зине.

Тяжело застонал чернявый боец, и Зина бросилась к нему. В заботах о больном будто легче, быстрее бежало время, однако на душе усиливалось чувство какой-то безысходности: не поможешь раненому бойцу, как не поможешь уже теперь своему городу, своей родной матери. Не хватит силы у тебя на это, не хватит

выдержки, потому что трудности перед тобой неимоверные и непреодолимые.

Шепотом Зина подбадривала бойца, пытаясь хоть этим облегчить его страдания. В сущности, она ничего не может сделать, но этот шепот давал ей некоторую возможность обдумать положение, пока все считали, что она занята. Остальные бойцы тоже как бы отвлеклись из-за стонов смуглого соседа от своих собственных дум. Они тревожились, что этот стон могут услышать враги, но всей душой сочувствовали товарищу. Каждый в эти минуты думал о том, что придется делать, когда этот боец перестанет охать и перекатываться с места на место, что скажет Зина, найдет ли она хоть какое-нибудь спасение?

Как только Зина отошла от больного, в жите что-то зашелестело. Это она услышала сразу, но не поверила себе. В таком душевном состоянии всякое может примерещиться. Взглянула на бойцов. Заметила, что и те насторожились. Машкин залег, словно приготовился к стрельбе, и здоровой рукой вынул из кармана нож. Зашевелились, ища что-то в карманах, и некоторые другие бойцы. Шофер вытащил из кирзового голенища ручную гранату.

- Зиночка, что это? - Светлана тихонько заплакала.

А Зина и сама ничего не могла сказать, только ей почему-то совсем не было страшно: будь что будет, лишь бы скорее все кончилось.

Шелест послышался совсем близко, и кто-то глухим шепотом спросил:

- Где вы тут, братва?

Машкин вскочил.

- Ни дьявола не вижу, где ж вы тут? - продолжал тот же голос уже немного громче. - Попрятались, ночлежники бисовы.

- Грицко! - чуть ли не крикнул от радости Машкин и, пригнувшись, бросился ему навстречу.

Кавалерист сел на зеленый снопик и вынул из кармана свой скомканный бинт.

- Прошу прощения, доктор, - обратился он шепотом к Зине, - приладьте мне эту повязку снова.

- Зачем же вы ее сняли? - тоном настоящего врача спросила Зина.

- Мешала она мне, лоб гитлеру показывала в темноте.

Зина стала перевязывать Грицко и заметила, что лицо у него очень печальное и расстроенное. "А голос совсем спокойный, - подумала она, - не хочет парень показывать тревогу перед ранеными. Что ж, может, это и правильно. Так и надо поступать сильному человеку".

- Почему же ты без машины? - спросил шофер и, как показалось Зине, спросил требовательно, сурово.

Тут бы спросить, как парень добрался сюда, не попал в руки врагу, а не требовать невозможного. Но у шофера была, видимо, своя логика. В такие тонкие чувства он не вдавался, а знал одно: получил боец задание, обязан выполнить. Это, в сущности, был приказ. И не одного человека, скажем, командира отделения, а вот и Зины, и Светланы, и всех тех, кто лежит здесь и молчаливо поглядывает, как Зина перевязывает Грицко лоб.

- И глаза мне завяжите, и глаза! - настойчиво зашептал Грицко, вместо того чтобы ответить шоферу.

- Зачем же это? - безучастно спросила Зина, продолжая перевязывать.

- Чтобы не видеть, что творится вокруг, - еще тише произнес Грицко.

И Зина почувствовала, что ни капельки шутки не было в этих словах, что они были сказаны только для нее одной.

Потом парень стал говорить уже для шофера и остальных бойцов.

- Пока высаживал я там из кузова эту корову, пока отбивал атаку хозяина и особенно хозяйки, появились на краю деревни немцы. Ну, думаю, беда. Хозяин испугался, услышав про немцев, а хозяйка просто ошалела: голосит на всю улицу и готова горло мне перегрызть за корову. Видя, что машины теперь уже не взять, я стал нажимать на шофера, чтоб он бросил все и пошел со мной. Он человек местный, подумал я, знает тут все вокруг. Потребуется нам такой человек. Хлопец уже вылез из кабины, а тут хозяйка как бросится на меня и зацепила руками за мой бинт. Пришлось пойти на грех: рванул ее за кудлы и подался в малинник. Пока она там голосила, я уже на загуменье был. Жито тут хорошее, мне, человеку низкорослому, и пригибаться особенно не приходилось. Иду, а по шоссе гитлер прет. Он, нечистая сила, туда - я назад, навстречу ему. И радостно мне на душе, что не убегаю от него, и страшновато.

Шофер больше не задавал Грицко вопросов. Возвращение кавалериста в лагерь тронуло всех бойцов. Хотя он ничем не помог лагерю, хотя и теперь еще не было известно, что делать, но у каждого на душе стало посветлее. Грицко помог уже тем, что пришел сам.

- Напрасно, выходит, я носилки мастерил, - только и сказал шофер.

- Носилки как раз потребуются, - задумчиво проговорил Машкин. - Боюсь, что мало будет одних.

Несколько минут в лагере царила тишина, казалось, каждый

обдумывал какое-то предложение. И хотя никто не мог сказать ничего определенного, всем было ясно, что прежде всего надо отойти от дороги, что до утра на этом месте оставаться нельзя.

- Пойти нам со Светланой в деревню, - словно размышляя вслух, сказала Зина. - Попытаться там найти людей, чтобы пустили в какой-нибудь сарай, помогли перенести раненых? Но нас же не три человека... Кто же пустит?

- И гитлер в деревне, - добавил Грицко.

- В деревню вряд ли можно, - усомнился и Машкин.

Его поддержали почти все бойцы.

- Значит, надо выбирать место пока что тут, - сказала Зина и как-то особенно внимательно взглянула на Грицко. Она себя чувствовала неловко перед этим бойцом. Парень был, пожалуй, даже моложе ее, низкорослый, худощавый, а выдержка у него такая, что каждый может позавидовать.

Машкин встал.

- Пошли! - сказал он шоферу, видимо не желая беспокоить очень уставшего Грицко.

Но Грицко поднялся быстрее шофера, и они втроем отправились выбирать место поудобнее.

Наступила ночь. Теплая, короткая, но темная-претемная и немного влажная. Было странным то, что ночь принесла и тишину, хотя не очень уютную, но все же тишину. Даже на шоссе стало спокойно.

Зина не верила в эту тишину, ей все казалось, что это обман, что в такой суровой обстановке не может быть тишины даже глубокой ночью. А Светлана словно ожидала этого покоя: она прижалась к Зине, подогнула чуть ли не к самому подбородку голые коленки и заснула. Один боец, раненный в ноги, зашевелился, вытянул из-под себя шинель и заботливо накрыл ею девочку.

- Спасибо, - сказала Зина, - но вам же самому будет холодно.

- А я вот соломки под себя, - сказал боец и протянул руку, чтобы вырвать несколько горстей зеленого, но уже колосистого жита.

- Я вам помогу, - сказала Зина и, осторожно отодвинувшись от Светланы, положила ее голову на снопик. Подавшись немного в сторону, она обеими руками стала рвать упругие, но ласковые, уже повлажневшие от росы колосья жита. Некоторые стебельки перегибались в ее пальцах и отделялись от корней, большинство же оставалось в руках с корнями. От них пахло свежей землей (милый, знакомый с детства запах!), а сломанные колоски тоже пахли, и так, что хотелось вдыхать их запах, глотать его, как воду при большой жажде.

- Я вам дам ножик, - предложил боец. И голос его был ласковый, сочувствующий. Видимо, и он ощутил этот животворный запах, который, наверно, вызвал и у него воспоминания обо всем лучшем, что было в детстве, в ранней юности.

Зина стала срезать стебельки ножиком, и таким образом получалась у нее какая-то чудесная, необычная жатва. Тихий шорох этой жатвы радовал душу, а запах, казалось, стал еще приятнее. Хотя было и жаль зеленого жита, но хотелось срезать его побольше. Это, наверное, для того, чтобы устроить помягче постель не только вот этому бойцу, который сам проявил заботу о других и разговаривает так ласково, а и всем остальным. Конечно же, для этого, но было тут и что-то другое. Кому не по сердцу в тяжелую минуту хоть на миг забыть обо всем, что видишь вокруг, что терзает душу? Жатва для Зины - это чуть ли не самое светлое, не самое очаровательное, что осталось в ее памяти с детских лет. Для нее это была даже и не работа, от которой болит и ноет спина, а наслаждение, радость. Девушке мало приходилось и нагибаться, когда она училась жать. Даже на той неурожайной полоске, которую имел тогда отец Зины, жито было выше ее.

Она жала всегда вместе с матерью. Отец приходил к полудню, сносил снопы, составлял их в суслоны и шел на другую работу. Зина знала, что шел он не на свою работу, а на панскую, потому что со своей полоски нельзя было прокормиться. Знала, что пан мог обидеть отца, мог замучить его на работе, и потому всегда с тревогой и радостной надеждой ожидала вечера, когда отец снова придет на поле и опять начнет сносить снопы. Любила Зина смотреть, как отец носил снопы. Сама она, если и поднимет, бывало, сноп, то едва тянет его за собой, - колосья оббиваются о ржище. А отец одной рукой вскидывает снопы на плечи так легко, словно это какие-нибудь игрушки, а не снопы, обложится ими так, что и сам не виден. Шагает тогда отец, похожий на житную копну, а Зине кажется, что нет на свете человека более сильного, более неутомимого в труде.

Как только отец приходил на поле, Зине становилось необыкновенно весело. Она радовалась, если он хоть на минуту присаживался на сноп, закуривал или завтракал вместе с ними: ел спелые вишни с хлебом. И всегда, везде с отцом было весело, радостно. Зина часто вспоминала эти далекие дни детства, когда вся она была как бы наполнена ожиданием отца. Сначала она ждала его на поле, дома, с отхожих заработков, а потом - из польской дефензивы и из тюрьмы, куда забирали его пилсудчики за подпольную революционную деятельность. Раз дождалась, второй раз дождалась, даже и третий раз дождалась. А когда в

четвертый раз взяли, то в ожидании прошли годы, мать сгорбилась и поседела, Зина за это время выросла, а отца все не было. Потом пришло по почте извещение, что арестант Иван Прудников умер в тюрьме.

Мрачным тогда стало все вокруг: немилой была своя хата, чужой и ненужной выглядела полоска, которая к тому времени уже почти совсем перестала родить. Взяли тогда дочка и мать посохи в руки, приладили за плечи котомки с пожитками и пошли по миру. Служили потом в городе у разных людей, не чурались самой черной работы. После воссоединения Зина закончила курсы машинисток и вскоре поступила на службу в штаб кавалерийского полка.

Необыкновенная ночная жатва вызвала в душе Зины эти воспоминания. Почему бы и не вспомнить обо всем в такую тишину? Долго ли она будет продолжаться, не нарушит ли ее что-нибудь уже через минуту?..

Вдруг девушке показалось, что она жнет слишком смело, что складной ножик, хотя он и не серп, а режет как-то гулко, со скрежетом. И Зина испугалась этого скрежета: а вдруг услышат на дороге и начнут стрелять?

- Хватит вам уже, - тихо сказал раненый боец.

И тогда девушка поняла, что действительно пора кончать жатву. Вытерла ножик, отдала его бойцу, а сама стала подбирать сорванные и сжатые стебельки с колосьями. Большой ли получился бы сноп, если все это связать?

Боец положил под себя немного жита, а из остального сделал нечто похожее на постель для Зины.

- Лягте отдохните, пока хлопцы придут, - сочувственно сказал он. - Вот мой рюкзачок. Возьмите его под голову.

Когда Зина примостилась опять возле Светланы, боец долго вздыхал, а потом стал торопливо и взволнованно говорить, будто боясь, что девушка скоро заснет и не услышит его слов.

- Там у меня в рюкзаке вязанка мягкая... Из шелка, наверно, из одного или, может, немного шерсти примешано. Я собирался уже ехать домой, так купил для матери. Возьмите, прошу вас, эту кофту, наденьте.

- Ну что вы! - сказала Зина. - Это же подарок, вы его обязательно отвезите своей матери.

- Вам же холодно, - с мягкой настойчивостью продолжал боец. - Роса выпала, а к рассвету совсем похолодает. Вы замерзнете в своей одежде. А одна ли такая ночь впереди?

- Ничего, не замерзну. - Зина тесней прижалась к Светлане. - Вот мы вашей шинелью прикроемся, а там я что-нибудь достану в деревне: мир не без добрых людей.

- Я вас очень прошу, - чуть ли не с обидой проговорил боец. - Домой мне теперь уж не попасть, хотя и билет в кармане и документы, что отслужил свой срок, не до того сейчас. Мне хочется сделать вам этот подарок все равно как своей матери.

Зина ничего не ответила. Ей казалось, что все бойцы слышат эту, возможно, излишне интимную беседу, а для чего это нужно - к одному относиться лучше, чем ко всем остальным? Теперь надо любить и уважать всех одинаково, быть для всех сердечным товарищем, сестрой. Но, прислушавшись, Зина поняла, что бойцы, в том числе и тяжело раненные, спят. Тихая летняя ночь, наполненная запахом молочного жита, пригласила в их сердцах волнения и тревоги, уняла даже боль в ранах.

- А вам далеко надо было ехать? - спросила Зина, убедившись, что никто их не слушает. - Вы откуда родом?

- Не так уж далеко, если ехать, - живо ответил боец, обрадованный тем, что беседа возобновилась. - А если идти, то вряд ли хватит ног. Из нашего Полесья я, из деревни Заболотье. Может, слышали про такую?

- Не слышала, - уважительно откликаясь на сердечный тон бойца, сказала Зина, - но рада, что вы оттуда.

- Почему? - в голосе бойца прозвучало удивление.

- Земляк мой, - удовлетворенно ответила Зина. - А потом вам близко же до родных мест. Все-таки это приятно.

- И вы оттуда? - боец уже не только удивился, но и обрадовался.

- Нет, - словно с сожалением, что она не оттуда, сказала Зина, - но в таких случаях бойцы зовут друг друга земляками. Я из-под Бреста.

- Конечно, земляки! - чуть не вскрикнул боец. - Из одной республики, значит и земляки.

Он помолчал с минуту, а потом очень сердечно, по-дружески попросил:

- Так возьмите мою вязанку, землячка.

Вернулись бойцы из своей первой разведки. Грицко сказал Зине, что недалеко за житом нашли кустарничек. Растет там можжевельник, молодая ольха, крушина. Есть местами мох. Сбоку от дороги - пригорок и болотце, оно тянется до противоположной опушки кустарничка. К восходу солнца надо туда перебраться.

Стали обдумывать, кого нести на носилках, кому помочь двигаться своим ходом, а кто может хоть сколько-нибудь проползти.

Последним несли чернявого бойца, раненного в голову. На середине пути он вдруг поднялся на носилках, закричал, замахал руками. Светлана испугалась его крика и чуть не бросила кончик

носилок, за который держалась, идя рядом с Грицко, держалась она, чтобы помогать Грицко, а он принимал ее помощь только для того, чтобы девочка не потерялась в темноте. Чернявый вдруг замолк, свесил с носилок забинтованную голову и стал часто, с отчаяньем вздыхать.

- Куда вы меня несете, братки? - жалобно спросил он.

Зина, шедшая с Машкиным впереди, замедлила шаг, оглянулась. Она впервые услышала голос этого бойца и обрадовалась: может быть, ему стало легче? Она попыталась заговорить с раненым, но Грицко опередил ее.

- В госпиталь едем, - спокойно сказал он, - в госпиталь, браток.

- Не надо меня никуда нести, - попросил боец, - не надо мучиться. Все равно уж...

И опять притих. Зина ожидала, что он скажет еще что-нибудь, но боец начал стонать, и еще сильнее, чем раньше.

- Наверно, не поправляются люди, если их ранило в голову? - робко проговорила Светлана.

Грицко ответил:

- Самая тяжелая рана - это в живот, а в голову ничего. Голова у человека крепкая.

- Если и выживет, - продолжала Светлана, - то может калекой остаться: сумасшедшим станет или еще что...

- Кто?

- Да раненый же.

- Ничего плохого с ним не будет, - уверенно сказал Грицко. - Случалось, мы на скачках сколько раз перелетали через головы коней, и черт нас не брал: целыми оставались, и мозги варили.

- То на скачках, - не соглашалась девочка.

- А что на скачках? - начинал уже спорить Грицко. - Ты еще не знаешь, что иногда получается на скачках. Там бывает хуже, чем на фронте. Однажды наш командир взвода Бондаренко так грохнулся вместе с конем, что думали конец. А полежал немного в санчасти - и встал. Коня больше лечили, чем его.

- Лютого? - несмело спросила девочка.

- Нет, тогда у него был другой конь. Лютый, ого! Лютый не спотыкнется. У него ноги, как у черта. Хату перескочет, и не почуешь, сидя на нем. Ты небось часто вспоминаешь Лютого, а?

Светлана промолчала. Грицко почувствовал, как возле его пальцев дрогнула рука девочки.

- Почему ты молчишь?

Девочка вздохнула и призналась, что Зина просит не расспрашивать про военный городок.

- Это она боится, - сказал Грицко. - А чего тут бояться? Я вот

тоже все не мог с тобой поговорить, хотя чувствую, что ты ждешь этого. Городка уже нет. Понятно? А люди есть. Людей наших не так легко уничтожить. Твой отец, например, жив и здоров. Сам видел, как он летел на коне между казармами и отдавал приказания. Видел, пока не резануло мне по глазам. Ты за отца не бойся, человек он смелый, отважный. Помнишь Чапаева?

- А Бондаренко как? - тихо спросила девочка. - Не видели ли вы Бондаренко?

- Как же не видел, - охотно начал Грицко. - Вместе были. Ты только хорошо держись, а то тут уж неровно под ногами: жито кончилось. Берись за мою руку, если хочешь. Вместе мы были с командиром взвода, и обоих нас одним махом оглушило. И обоим нам повезло, надо сказать. Мне хлопцы помогли выбраться, а Бондаренко - Лютый. Когда загорелись конюшни, - это мне потом бойцы рассказывали, - Лютый сорвался с привязи и давай носиться по городку, искать своего хозяина. Бойцы словили его, подвели к раненому Бондаренко. Лютый увидел лежащего командира, тихо заржал и опустился перед ним на колени. Помогли командиру сесть, и Лютый встал, раздул ноздри, вытянулся и вихрем помчал к выходу, хотя там и рвались бомбы и все было затянуто дымом. Вынес командира из огня, а там наша санитарная машина подобрала его. Машина пошла по шоссе, а Лютый изо всей силы пустился за нею. Так понесся, только и видели его. Так что ты не бойся и за Бондаренко.

Светлана шла молча, стараясь не спотыкаться и не толкать носилок. Лица ее не было видно, и Грицко не мог определить, поверила она его словам или нет. Ему очень хотелось, чтобы она поверила, хотя и трудно говорить девочке неправду. Жаль ее было еще и потому, что она так внимательно слушает и вся дрожит от волнения.

- Где же теперь Лютый? - словно невзначай проговорила Светлана.

- Лютый? - Грицко будто не сразу расслышал вопрос. - Этот конь не пропадет. Вернулся, наверно, в часть, воюет теперь. Таких коней мало.

Подошли к болотцу, положили носилки на землю, потому что Зине и Светлане надо было снять обувь. Отдохнули минуту и пошли дальше. Шлепал Грицко мокрыми сапогами по болоту и все думал: хорошо ли он поступил, что рассказал Светлане нечто похожее на сказку, или нехорошо?

Сам он был уверен, что и командир полка и Бондаренко погибли.

Больше месяца жили бойцы невдалеке от дороги. Сначала в том кустарничке, куда перебрались в первую ночь, а потом нашли

еще более удобное место. По дороге ползла, двигалась фашистская свора. Двигалась она до того самоуверенно, что почти не оглядывалась по сторонам. Днем из-за пригорка, что отделял кустарничек от дороги, можно было наблюдать клубы пыли. В лесок долетал лязг гусениц и гул моторов. А по ночам почти всегда было тихо, и казалось, что вокруг все спокойно. Покой этот настораживал и волновал больше, чем недалекие выстрелы, чем взрывы бомб. Люди, оторванные от всего мира и как бы лишенные слуха, зрения, пугались этой тишины. Одолевали тяжелые думы, приходили в голову страшные догадки. Если всюду так тихо, то, может, нет и сопротивления врагу и все наши бойцы лежат вот так в разных местах, кто раненый, а кто убитый, может, вся наша техника замерла на дорогах, как та машина, на которой они недавно ехали? Где же теперь фронт, куда забрался враг?

В эти обманчиво тихие ночи, а иногда и днем Зина и Светлана выходили из лагеря. Зина повязывала тогда черный платок (подарок одной бабушки из соседнего села), чтоб выглядеть старше, чтоб Светлану могли посчитать ее дочкой. Ходили они в ближайшие деревни, иногда навещали и более далекие. Для одних людей они были просто беженцы, а перед другими не таились. Только они могли добывать для раненых хоть немного еды, только они могли найти таких людей, к которым потом можно было наведаться Грицко, Машкину или шоферу. От этих же людей часто удавалось получать и нужные вести с фронта. Если это были приятные вести, то не надо было в тот день раненым лучшего лекарства.

В тревоге и непрерывном напряжении проходили дни. Те, что держались на ногах, и те, что надеялись окрепнуть, беспокоились за друзей, раны которых не заживали. Такого лекаря, как машинистка Зина, мало было для этих больных. Тревога и боль за близких друзей сливалась с тревогой и болью за друзей далеких, за родные хаты, за отцов и матерей, за всю родину. Положение в лагере все ухудшалось. Мало того, что каждый день и каждый час надо было думать, неотступно думать о том, как добыть продукты и самые необходимые медикаменты, так вскоре дошло до того, что надо было и хоронить своих друзей. А кто на свете мог быть дороже тех, с кем пришлось прожить хоть несколько таких суровых дней?

Когда умер чернявый боец, раненный в голову, Светлана так затосковала, что за нее самое становилось страшно. Сначала девочка плакала, потом начала жаловаться на боль в голове. Ей не только было бесконечно жаль бойца, за которым она ухаживала больше, чем за другими, - у нее пропала надежда на

то, что заживет ее собственная рана и не останется уродливого следа. Сколько горя принесло это Зине: сколько часов отрывал от сна Грицко, чтобы успокоить девочку и хоть немного отвлечь ее от тяжелых переживаний.

Чем дальше, тем все больше и больше лагерь принимал обжитой вид. Довольно уютными становились низкие, хорошо замаскированные шалашики, мягче становились постели для раненых. В земле была сделана такая печурка, что на малом огне можно было вскипятить воду, кое-что сварить. Был даже выкопан свой колодец. Но когда невдалеке от шалашиков появилась первая могилка, некоторым стало казаться, что все шалашики похожи на нее. Потом шалашиков становилось все меньше, а могил - больше. Эти могилы трудно было обойти тем, кто нес службу дежурных или отправлялся, скажем, за грибами или за ягодами. Откуда бы люди ни возвращались, все равно какая-то сила вела их сначала к могилам и только потом к шалашам. Еще тяжелей было неподвижным больным, тем, которые еще не знали, вылезут они из шалаша сами или, может, их вынесут оттуда. Если же вынесут, то уже известно куда. Эти люди не видели могил, но как бы чувствовали их рядом с собою, они снились им по ночам, и в бреду больные слышали слабые голоса тех своих друзей, которые еще совсем недавно лежали рядом с ними.

Страх смерти витал над лагерем, однако жизнь брала свое. Как ни тяжело было иногда перед восходом солнца, а первый летний луч веселил глаза даже тех, кто мало смотрел на свет, рассеивал мучительные сновидения, прогонял головную боль у Светланы.

Могучий организм белоруса, Зининого земляка, упорно преодолевал тяжкий недуг от ран. Ноги бойца постепенно выпрямлялись, приобретали упругость. Грицко даже соорудил ему костыли, но они пока лежали, дожидаясь своей поры.

- Ты, Михал, очень уж не залеживайся, - часто говорил Грицко бойцу. Не думай о том, где лежал, сколько лежал, а вспоминай, как ты на вечеринках отплясывал гопака. Ты плясал гопака?

- Еще как, - усмехнулся Михал.

Во всякой жизни, даже самой трудной, бывают свои просветы, свои счастливые минуты. Весь лагерь испытал истинную радость, когда Михал наконец, крепко обхватив руками Грицковы костыли, встал и хоть с большим трудом, но сделал несколько шажков по траве.

- "Лявониху"! - восторженно скомандовал Грицко и полез в карман своих кавалерийских брюк за расческой. Он заиграл на расческе что-то бойкое, задорное и так завилял своими короткими, чуть выгнутыми ногами, что даже мертвый не мог бы

устоять.

Михал тряхнул пожелтелой от продолжительного лежания головой, повел плечами и упал, как только поднял ногу, но смеялся и лежа, чувствуя, что танец состоится, если не сегодня, то завтра. Смеялись и все остальные.

Шофер уже давно перестал скакать на одной ноге, потому что и вторая, раненая, начинала увереннее ступать на землю. Машкин снял с шеи повязку, рука его уже сама могла опускаться и подниматься. Поправилось еще несколько человек. В жизни лагеря уже не было тех безмерно тяжелых часов, когда Грицко, Машкин и шофер шли куда-нибудь за продуктами, а со слабыми, беспомощными бойцами оставались только Зина и Светлана. И если бы в те часы наткнулся на лагерь какой-нибудь приблудный немец, то и с ним справиться было бы трудно - ни сил для этого не было, ни оружия. А теперь, хоть и несколько бойцов уходили в разведку или на поиски пищи, оружия, в лагере все равно не было страшно: хлопцы уже сами несли службу, могли, если что, и постоять за себя. Появилась твердая надежда. А это было как раз то, чего иногда не хватало лагерникам. Приближался конец госпитальной жизни, приближался поход, возможно тяжелый, изнурительный, но неизбежный. Приближалась самая решительная, самоотверженная борьба. Все были охвачены думами об этом, полны решимости. Подготовка велась и днем и ночью - забот было много. Следовало любыми средствами накопить хоть небольшой запас продуктов, хотя бы на первый переход, а главное - как можно лучше вооружиться. Этим был занят каждый боец; и всем было приятно от мысли, что маленький лесной госпиталь, несмотря на бесчисленные испытания и муки, превратился постепенно в боевую единицу.

Перед самым выходом Зина со Светланой отправились на рассвете в далекую разведку. Им надо было теперь выполнить сложную задачу, уже совсем военного характера. Необходимо было выведать, где стоят немцы, где их нет, какими дорожками и тропами нужно пробираться, чтобы не наткнуться на врага хотя бы следующей ночью. Вся группа ожидала в этот день девушек с большей тревогой, нежели Зина и Светлана часто ожидали Грицко или Машкина, когда те долго не возвращались в лагерь. От этой разведки зависело очень многое. И когда стало смеркаться, Грицко уже ни одной минуты не мог спокойно усидеть на месте. Он то и дело прислушивался, поднимался, вытягивался на носках и поверх кустов всматривался в даль. Особенно тревожились все из-за Светланы: она еще не совсем поправилась после ранения, и вообще разве ей посильны такие большие переходы, - возможно, и притомилась где-нибудь в пути.

- Не надо было пускать девочку, - как бы размышляя вслух, проговорил Грицко.

- А она - главная разведчица, если хочешь знать, - возразил Машкин. Без нее Зина всего не выведает, да и попасться может скорей. Подросток проберется везде.

- А если утомится, то хоть на руках неси, - не соглашался Грицко.

Шофер блеснул своей редкозубой улыбкой.

- Надо было тебе самому пойти, - сказал он Грицко. - Снял бы свое галифе, как раз бы за малого сошел.

- Не болтай! - огрызнулся Грицко.

Машкин недовольно взглянул на обоих и приказал:

- Через час чтоб все было готово к выходу. И давайте без лишних разговоров!

Шофер сел на пенек и начал молча завязывать походный мешок, а Грицко с минуту еще вглядывался поверх кустарника, а потом, словно ужаленный, подскочил, на ходу перемахнул через высокий куст можжевельника и помчался в ту сторону, куда только что смотрел. Вскоре он вернулся с Зиной и Светланой. Разведка прошла хорошо, не было даже очень сложных помех, только усталость сковала ноги.

- Отдохните, - сказал им Машкин. - Часок можете отдохнуть. А как совсем стемнеет, в дорогу. - Он тайком глянул на Светлану, потом на носилки.

- Мы пойдем, - уверенно сказала Светлана, и Машкину стало неловко.

- Отдыхайте, - повторил он и отошел к шалашику, где лежали собранные боеприпасы.

Грицко принес девушкам по полкотелка ячневого супа. В этот день он был дежурным по лагерю и сам варил этот суп, сам потом поддерживал в печурке тепло, чтоб еда не остыла. Все занялись чисткой и смазкой оружия, а Грицко неожиданно для всех вытащил откуда-то большие, какими стригут овец, ножницы, зазвенел ими, постучал о расческу и, подойдя к пеньку, объявил:

- Кто не хочет отстать в дороге от тяжести в голове и от зуда, подходите сюда! Пока наши разведчицы съедят суп, обстригу всех не хуже, чем в городской цирюльне.

Первым подошел и сел на пенек шофер. Грицко загреб расческой его жесткую рыжеватую чуприну и легко, только разок взмахнув ножницами, снял ее. Через несколько минут шофер уже напоминал стриженого ягненка, но был очень доволен, потирал ладонями голову и ухмылялся. Вслед за ним сел на пенек Михал, потом один узбек, недавно выздоровевший, подставил свою иссиня-черную голову, за ним - остальные бойцы. Последним

подстригался Машкин.

- А меня кто острижет? - спросил Грицко. Он запустил толстые пальцы в свои слежавшиеся волосы, оттянул на лоб прядь и отрезал.

- Давай я, - предложил Михал. - Ты сам еще ухо себе отрежешь.

Он остриг Грицко, отер о солдатские штаны ножницы, отдал их хозяину и тут же стал собирать горстями волосы, цветастым ковриком лежавшие вокруг пня.

- Чтоб не болели ни у кого головы, - не то шутя, не то серьезно пояснил он, став на колени у пня, - надо все это сгрести и закопать. А то увидит какая-нибудь птица и затянет все богатство в свое гнездо...

- Это ты от своей бабки слышал? - стряхивая с ушей остатки волос, спросил Грицко. Голова его после стрижки стала круглой, как арбуз, лоб более высоким, а рот - более широким.

- И от бабки, - подтвердил Михал, - и от деда.

Этот парень вообще мало с кем спорил. По характеру он был тихим и покладистым. Если не нравились ему чьи-либо слова, он только молча качал головой, а в спор не вступал. Пока он лежал, беспомощно подогнув ноги, все думали, что это слабый и малорослый хлопец, а теперь он так выпрямился, так вошел в силу, что стал, пожалуй, выделяться среди всех. Ростом он был, считай, на две головы выше Грицко - статный, ловкий в движениях. За какую бы работу ни брался, она горела в его руках. Даже эти волосы собирал он так аккуратно и ловко, что Зина невольно придержала у губ ложку с супом и посмотрела на его руки.

Перед самым отходом Машкин построил свой отряд. Команда его прозвучала неуверенно, шаги, когда он прохаживался у строя и оглядывал каждого байца, были нетвердыми. Мало еще командовал Машкин, потому что недавно окончил полковую школу. Но среди раненых он один имел командирское звание, и как-то само собой получилось, что все признали его старшим.

С востока, словно нарочно, чтобы глянуть бойцам в лицо и потом освещать дорогу, выплыла почти полная луна. Забелели вершинки можжевельника под ее светом, у хлопцев заблестели стволы винтовок и карабинов за плечами, рукоятки гранат на поясах. А шалашики - те шалашики, в которых, казалось всем, прожита самая важная часть жизни, - выглядели под луной одиноко и сиротливо. Входы в них были открыты, оттуда виднелось свежее сено и, вероятно, пахло привлекательно, призывно. "Переночуйте еще хоть ночку", словно манили шалаши. Зина, стоя в сторонке и держа за руку Светлану, с грустью

смотрела на свой низенький, уютный шалашик. Не придется больше в нем ночевать, и никогда уже не увидишь его, как не увидишь, быть может, своей родной хаты, своей родной семьи. Но эти мысли только мелькнули у девушки и тут же исчезли. Ей подумалось о том, что если бы даже и через десяток лет пришлось побывать в этих местах, то все равно в первую очередь потянуло бы к этим шалашикам.

- Простимся, друзья, со своим лагерем, - сказал Машкин по-воински суховато, будто не чувствовал в этот миг того, что чувствовала Зина и все ее товарищи. - Простимся и с теми, кто остался тут навсегда.

До этого бойцы смотрели на шалашики, на все то близкое, домашнее, что появилось за это время в лагере, а теперь перед взором каждого предстали могилы, хотя их и не видно было отсюда.

- Шагом марш! - скомандовал Машкин и сам пошел впереди.

Бойцы строем подошли к кладбищу. На некоторых могилах уже стала пробиваться трава, на ней блестели скупые капли росы, а остальные насыпи еще желтели глубинным песком. Бойцы сняли пилотки, застыли в скорбном строю. Машкин стоял с одного края кладбища, Зина и Светлана - с другого.

Машкин чувствовал, надо что-то сказать, но не находил слов. Он понимал и то, что не следует долго тут стоять, потому что только расслабишь бойцов, однако не знал, сколько времени провести здесь. Стоял молча, как и все.

Прошла минута, вторая. Тишина и покой в лесочке, тишина и полная неподвижность в строю. Еще через минуту кто-то из бойцов шевельнулся, под ногой у него треснул сучок. Это подстегнуло Машкина, он хотел было подать команду, но не решился. А Зина готова была подойти к нему и попросить, чтобы не спешил. Ей хотелось еще хоть полминуты пробыть тут. Каждого, кто здесь лежит, она лечила, за каждым ухаживала. Сколько прошло трудных, мучительных дней, сколько бессонных ночей! Щедрые слезы Светланы проливались над головами этих бойцов. Ныло сердце от горькой мысли: если бы она, Зина, имела все необходимое для лечения, если бы она была врачом, то, возможно, многие из этих бойцов не умерли и стояли бы теперь рядом.

- Пошли, - вдруг совсем тихо и совсем не по-военному произнес Машкин.

Бойцы повернули и зашагали друг за другом. Зина со Светланой вышла вперед. Машкин надел пилотку, пропустил мимо себя молчаливую цепочку и печально подумал: "Малая у меня команда, очень малая. Большинство людей осталось тут".

Шли бойцы долго и прошли, казалось, немало, а линии фронта все еще не чувствовалось, и никто не знал, где она была, эта линия. Шли на восток, чаще всего ночами, а днем отдыхали во ржи или в лесу. Продвигались не очень быстро, и получалось, видимо, так, что фронт двигался быстрей.

В этом походе Зине со Светланой было труднее, чем всем остальным. После ночных маршей по лесам, по болотам (только иногда дорога проходила через житные поля) девушкам надо было днем разведывать путь для следующей ночи. Они выручали группу и в самом главном - в добывании пищи. Молодая картошка-скороспелка уже кое-где пробивалась на поле, но не всегда было легко ее напечь, да и не протянешь долго на одной, еще водянистой картошке. Зина как-то инстинктивно угадывала, к кому надо зайти, чтобы разузнать дорогу, у кого попросить чего-нибудь из продуктов или одежды. Жители деревень почти всегда приветливо встречали ее и помогали чем могли. У Светланы был теперь собственный серый платок и даже свитка. Правда, все домотканое подарили люди, но Светлане теперь было и выгодней выглядеть деревенской девочкой.

Однажды - это было уже через месяц с лишним после выхода группы - бойцы остановились на зеленом пригорке среди болота и решили дня два отдохнуть, осмотреться. На следующий день под вечер Зина и Светлана пошли в ближайшую деревню менять на продукты кое-какие солдатские вещи. Разведчицы один раз уже ходили туда и знали, что немцев там нет, поэтому сейчас они шли без особой предосторожности. Какие у них были вещи? Ясно, не какие-нибудь ценности, а то последнее, что могли бойцы еще как-то наскрести у себя: несколько пар портянок, несколько полотенец. С пустыми руками труднее было ходить среди белого дня, тем более что путь группы лежал теперь через западные области Белоруссии. Люди тут были всякие, уж лучше предлагать что-либо в обмен, чем так выпрашивать.

Неподалеку от той деревни, куда шли Зина и Светлана, стоял хутор, хорошо огороженный где высоким частоколом, а где пилеными плашками. Вчера девушки прошли около этого хутора не останавливаясь, а сегодня остановились, потому что увидели на калитке какое-то объявление. Не успели они прочитать и первой строчки, как со двора вышел пожилой, кислогубый человек и, сняв кепку, поздоровался с Зиной.

- Добрый вечер, пани.

- Я не пани, - резко ответила девушка.

- Так это я... - человек кротко засмеялся, и его кислогубость сразу исчезла. - У нас, знаете, так было недавно, а может, оно так и всегда будет. Это я, знаете, по старой привычке.

- Так уже больше не будет! - решительно проговорила Зина и в тот же миг подумала, что напрасно вступила с ним в спор. Кто знает, что это за человек? Ей вовсе не надо было выдавать себя, но инстинкт протеста невольно взял верх. Девушка вдруг почувствовала, что вот сейчас она еще больше наговорит этому шляхтюку, начни он только доказывать свое.

Но человек не осложнял спор и даже не обиделся на девушку за ее грозный тон.

- Все от бога, все от бога, пани, - вяло проговорил он. - Может, так оно будет, а может, иначе - святой один ведает. А мы поживем, увидим. Я не про это хочу у вас спросить. Может, вы случайно продаете что-либо или меняете? Вчера, я видел, вы тоже проходили тут с узелком.

- Ничего у нас нет, - недоверчиво отозвалась Зина и шагнула в сторону от калитки.

- Ну, коль нет, так нет, - сразу согласился человек. - Я только спросить решил. Чем вам в деревню нести, так не лучше ли тут оставить. У меня, слава богу, есть хлеб и к хлебу. Могу дать плетенку лука или связку сушеных грибов. А в деревне сегодня неспокойно, считаю своим долгом вам сказать. С утра пришло туда много немцев.

Зина смотрела человеку в лицо и не знала, что ответить. Лицо его было некрасивое, обросшее черно-седой щетиной, однако в нем не видно было скрытой хитрости или чего-либо угрожающего. Человек просто хотел выменять что-нибудь, и только. Вероятно, не впервые перехватывал он здесь беженцев.

На калитке, за бронзовой от загара шеей хозяина, белело объявление. Зина перевела на него глаза, но человек приблизился к калитке и загородил объявление спиной. "Неужели он это умышленно? - подумала Зина. - Что же там написано?" И вдруг человек отошел от калитки, будто говоря: "Читай себе, если хочешь". Зина попыталась прочитать, не подходя близко, но уже было темновато и трудно было разобрать не очень выразительно написанные от руки слова.

- Ну как, договоримся? - спросил человек и показал рукой на Зинин узелочек.

- Есть у меня две пары портянок, - как бы для того только, чтобы отвязаться, сказала Зина, - хотите, могу вам их отдать за хлеб.

- А мне как раз нужны портянки! - с удовлетворением проговорил человек. - Давайте зайдем в хату. В хозяйстве, знаете, все нужно. Зайдем, посидим, отдохнете. Скажу старухе, молока вам по кружке нальет, как раз корову подоила. Малая небось извелась от жажды. Это дочка ваша?

Зина молча кивнула головой.

В хате было почти совсем темно. И действительно, пахло свежим молоком, хотя хозяйка, еще очень моложавая дебелая женщина, видимо, уже давно уладилась с парным молоком, а теперь только полоскала горячей водой подойник. За столом сидели и облизывались, как сытые котята, двое маленьких детей: мальчик и девочка, лет трех и четырех. У обоих в руках были безухие жестяные кружки, видимо, уже совсем пустые. Дети уставились на незнакомых круглыми, как у сыча, глазками, и их грязные личики застыли в ожидании.

- Брысь на печь! - прикрикнул на них отец, подойдя к столу.

Дети испуганно побросали на стол кружки, один за другим шмыгнули из-за стола к печке. Девочка - она была постарше - кое-как забралась на довольно высокую, с прямыми краями печь, а мальчик, боязливо оглядываясь на отца, вскарабкался только на мешок с рожью, что стоял на лавке у печи, и повис животиком на этом мешке. Некоторое время он карабкался дальше, старательно махал пухлыми ножками, а потом выбился из сил и начал плакать.

Девочка подползла к краю печки и подала ему руку.

Хозяин вышел в сени. Слышно было, как он там загремел тяжелым засовом, потом, вернувшись, плотно прикрыл за собою хатнюю дверь и запер ее на внутренний замок. Положив длинный, как шкворень, ключ в карман, опустился у стола.

- Садитесь! - бросил он девушкам и, взглянув на дверь, добавил: - Это я так. Ходят тут всякие...

Зина, не подавая виду, что у нее возникло подозрение, села на лавку возле умывальника и за руку притянула к себе Светлану. Девочка встревоженно посмотрела Зине в глаза, но, увидев, что они спокойны, села на лавку уверенно и свободно, как дома. Она взяла из рук Зины узелочек и положила к себе на колени.

- Давайте посмотрим, что у вас там, - начал хозяин, и на лице его уже не появилось никакой улыбки, а кислогубость приобрела оттенок враждебности. - Поглядим и поговорим заодно. Тут нам никто не помешает. Коль правду сказать, никакие ваши портянки мне не нужны, своих женка наткет. Мне, главное, надо узнать, откуда вы пришли и кто вас сюда прислал. Скажете правду, пойдете с богом своей дорогой, а не скажете, придется поговорить с вами иначе, а потом сдать обеих немецким властям.

- Мы издалека идем, - сдерживая волнение, сказала Зина. - Из-под самой польской границы.

- Неправда, - ледяным голосом, но будто без злости сказал человек. Вчера целый день следил за вами. Не издалека вы приходили и недалеко ушли. Сегодня опять тут. Думаете, все

дурные, а только вы двое разумные. Или говорите все, или... - Он свирепо взглянул на хозяйку, и та торопливо отошла к печи, к детям.

- Нам больше не о чем разговаривать, - спокойно сказала Зина и встала. - Вы вот будьте человеком, откройте нам двери, и мы уйдем...

- Не-ет, голубка, - мягко засмеялся хозяин и заслонил собой дверь. Этого не будет, не на такого напали. Если бы я даже и выпустил тебя из хаты или ты сама вырвалась, все равно далеко не ушла бы. За каждым углом и под окнами у меня поставлены свои люди. Поглядим же, что у вас там в узелке.

Он приблизился к Светлане, но вдруг выгнулся и схватил Зину за руки.

- Вожжи! - крикнул он хозяйке.

Зина с силой вырвала руки, бросилась к окну и, видимо, скорее головой, чем руками, выдавила стекло.

- Светланка! - едва только успела произнести она, как что-то жесткое и обжигающее сдавило ей шею.

- Я когда-то шальных коней ловил, - цедил хозяин сквозь зубы, затягивая веревку на шее девушки, - на диких зверей ходил...

Зина упала на пол. Дети на печи заплакали, хозяйка прижалась в угол.

- Вяжи ей ноги! - крикнул хозяин жене и отбросил от себя длинный конец вожжей.

- Миканор, - жалостливо произнесла женщина, однако подошла и начала вожжами скручивать посиневшие Зинины ноги.

Другим концом вожжей человек связывал девушке руки и резкими ударами под ложечку поворачивал ее так, чтоб она лежала боком. В этот момент Светлана схватила подойник, изо всей силы ударила им человека по голове, а сама шмыгнула в окно.

- Держи эту! - закричал человек жене и бросился за Светланой.

На дворе было уже темновато, но человек что-то увидел, схватил на бегу полено, бросил его в кусты, и ему показалось, во что-то попал. Подбежал к тому месту - никого... Начал шарить по кустам, около заборов: "Не могла же девчонка далеко уйти!" Но всюду было тихо - ни звука. Человек решил не терять времени на поиски, а скорей бежать в деревню. Если, на его счастье, там в самом деле остановились немцы, он доложит им, что словил большевистскую разведчицу, а если нет немцев - приведет в хату хоть своего своячка, которого немцы недавно поставили старостой, и еще кого-нибудь.

Пока хозяин бегал, жена его стерегла в избе Зину. Дети испуганно всхлипывали, забившись в уголок на печи, мальчик время от времени звал: "Мама, иди сюда". Но мать не решалась отойти от жертвы мужа, стояла у выбитого окна, держа в руках конец веревки. Из окна тянуло свежим воздухом, и это помогло Зине передохнуть, прийти в сознание, когда хозяйка совсем расслабила веревку на ее шее. В хате было сумрачно, но Зина заметила, что хозяина поблизости нет. Она сердцем почувствовала, что со Светланой что-то произошло, и тихо окликнула ее.

- Это вы свою девочку зовете? - ласково спросила хозяйка.

- Где она? - Зина попыталась шевельнуться, встать с пола, но ощутила острую боль в голове, в боку; нестерпимо ныли ноги и руки.

- Девочка убежала, - быстро и, пожалуй, радостно проговорила хозяйка. Выскочила вот сюда. Может, вам воды подать?

Женщина опустилась на колени и наклонилась над Зиной. Совсем близко над собою Зина увидела ее встревоженное, но доброе лицо, черные, блестящие во мраке глаза.

- Развяжите меня, - попросила девушка. Она сказала это, все еще не веря, что именно так сказала, что ее услышали и что ее снова не начнут бить и душить.

- Милая, не могу я этого, - оглянувшись на окно, тихо заговорила женщина. - Вернется он, прибьет и меня и вас. Это же он за вашей девочкой побежал. Вы еще и подняться не успеете, как он уже может вернуться. Я вот только сама вас попрошу: скажите вы ему что-нибудь, чтоб отцепился. Может, пленных тут поблизости видели, может, каких-нибудь коммунистов? Пришли позавчера, сказали, вот и записка на калитке висит, что если кто подскажет, где укрываются пленные или коммунисты, тому немцы дадут делянку хорошей земли и еще деньгами приплатят. Из-за этого мой так и старается и злобится. Кому же не хочется иметь лишний загончик земли. А вы ему скажите, он вас и пустит. И девочку вашу пустит, если только догнал он ее.

Зина настороженно смотрела на женщину и в первую минуту не могла понять, как принимать эти слова. Неужели это такая лисья хитрость? И хозяин начинал с таких же слов.

Однако глаза женщины, казалось, не хитрили, в них светились жалость, сочувствие, хотя испуг и растерянность заслоняли все это. Мальчик все громче и настойчивее звал мать. Он, видимо, подполз к самому краю печи, потому что плач его слышался все явственнее и все больше бередил душу.

- Иду, сыночек, иду-у, - откликнулась женщина, и Зина

увидела, как блеснули в темных глазах хозяйки крупные капли слез.

- Поймите меня, - торопливо зашептала Зина, - поймите! Вы женщина с добрым сердцем, у вас дети... Я не могу сказать ему ничего, ни одного слова. Пусть даже погибну, но не скажу!

Зина чуть приподняла голову, чтоб быть еще ближе к этой женщине, лучше видеть ее лицо, ее слезы. Девушка готова была обнять ее за шею, прижать к себе, но связаны были руки, и трудно было даже пошевелиться...

Хозяин прибежал почти через полчаса.

Сунул взлохмаченную голову в выбитое окно, чихнул, как кот, съевший чужое мясо, потом оперся руками о подоконник и влез в хату. Влезши, сразу побежал отпирать дверь в сенях. Следом за ним вошли двое плечистых мужчин с ружьями. В хате было совсем тихо, не слышно было ни стона, ни плача детей. Хозяин окликнул жену, но она не отозвалась. Тогда он зажег спичку и увидел у своих ног только спутанные вожжи...

Когда через некоторое время вместе со Светланой прибежала на хутор вся группа бойцов, в хате уже не было ни хозяина, ни тех плечистых мужчин с ружьями. На полу валялись те же вожжи, только они были теперь мокрые, а местами в крови. Рядом с вожжами лежала хозяйка и тихо, изнеможенно стонала. Возле нее сидели заплаканные и испуганные до полусмерти дети.

С первого дня войны не было у хлопцев ни одной беззаботной ночи, а эта выдалась самая тревожная, самая опасная. Все понимали: хуторянин со своими дружками убежал из хаты неспроста, он может навести сюда немцев или какую-нибудь полицейскую погань. Возможно, он даже и теперь притаился где-нибудь в засаде и ждет удобного случая, чтобы нашкодить. Но надо искать Зину. Что известно бойцам о Зине? То, что на бегу рассказала им Светлана. И еще удалось выдавить два-три слова у изувеченной хозяйки. Она сказала, что развязала Зине руки и ноги, помогла ей вылезти в окно, а больше ничего не знает и не помнит. Может, хозяин со своими подручными захватил девушку возле хутора и потащил в деревню? Может, девушка, вконец обессиленная, свалилась где-нибудь в кустах? Да, так могло быть, но все равно, что бы ни случилось, бойцы должны найти, должны спасти своего товарища.

Близится тихий летний рассвет. На траве и на густых ольховых кустах лежала крупная роса, в далеком березняке уже раза два звинькнула какая-то ранняя птичка. Машкин дал команду осмотреть все вокруг хутора, а потом собраться на поляне за кустами. Светлану он оставил при себе. Она так устала, так переволновалась, что чуть держалась на ногах. Вскоре все

вернулись на полянку, и каждый доложил, что ничего не найдено. Посоветовались сообща, а потом был отдан приказ основной группе идти фронтом по обеим сторонам дороги до того места, где была временная стоянка. Идти и осматривать каждый куст, каждую прогалинку. Грицко же и Михалу надо было пробраться в деревню и выведать, что там происходит.

Шли медленно, старательно присматриваясь, прислушиваясь. Светлане вначале казалось, что будто бы под каждым кустом она видит Зину - в черном платке, в Михаловой кофточке, с обрывками веревки на руках и на ногах. Сердце подсказывало девочке, что Зина обязательно должна быть где-то здесь, что не далась она в руки врагу. Если у нее осталось хоть немного сил, она убежала от хуторянина, и если потом даже подкосились ноги, то хоть как-нибудь ползком, а все же добирается она к своим.

Однако бойцы прошли и осмотрели у дороги все кусты, миновали березнячок, стали уже приближаться к своей стоянке, а Зины нигде не было. Оставалась еще надежда на временный лагерь. Может, девушка как-нибудь опередила их и явилась туда раньше?

На рассвете пришли на место своей стоянки. Пригорок, заросший молодыми дубками, крушиной и ольшаником, уже кипел проворными хлопотливыми птицами, их свист и пиликанье разносились отсюда по всему болоту. Высохшие сплетенья прошлогодних шалашей, в которых жили косари, желтели среди свежей зелени. Теперь они были наспех покрыты сверху почернелым сеном, которое бойцы собрали на прокосах. Не много тут было прокосов, да и те уж заросли отавой. Видимо, не пришлось тут людям по-настоящему размахнуться косой, помешала война. В шалашах тоже лежало сено, сухое, даже еще пахучее. Так хотелось прилечь на это сено и хоть немного поспать, хоть до того часа, когда взойдет солнце и слижет росу, - она радует глаз, однако слишком мочит и утяжеляет обувь. Но разве можно сейчас думать о сне, об отдыхе? Машкин с шофером осмотрели шалаши, неутомимый в поисках узбек и еще три бойца обежали окрестный кустарник и вернулись мокрые, словно окунулись в речку. Машкин пошел на риск и негромко, но отчетливо покликал Зину. Никто не отозвался.

Тень мрачной растерянности мелькнула на лице командира. Он чувствовал, что надо немедленно принимать решение, и не знал, что сказать, какой отдать приказ. Оставаться здесь и ждать возвращения товарищей из деревни крайне опасно, - немцы, наверно, уже знают про их стоянку. Отходить же отсюда без Зины и двух лучших бойцов тоже нельзя.

Почти все заметили растерянность Машкина и опустили

глаза. В эту минуту никто не мог ничего подсказать. Как всегда в необычайно трудных случаях, бойцы сгрудились, придвинулись друг к другу, и от этого им сразу стало немного легче. Чтобы как-то приглушить тяготу молчания, шофер начал осматривать свой карабин, подсумок с обоймами, гранаты. Словно следуя его примеру, словно ощутив такую же необходимость, и остальные бойцы начали осматривать свое оружие. И в эту же минуту Машкин отдал приказ: занять оборону на склоне холма, быстро окопаться и ждать возвращения Грицко и Михала.

У Светланы задрожали ресницы, но она ничего не сказала, ни о чем не спросила, только крепче затянула под подбородком узелок своего серого платка и на все пуговицы застегнула поношенную мальчишескую свиточку - подарок одной приветливой колхозницы.

Машкин тихо сказал ей:

- Не бойся, Света, ты будешь со мной.

Взбежать на склон, выбрать удобное место, окопаться - все это было не трудно. А вот лежать неподвижно, несмотря на отчаянную усталость, да еще перед восходом солнца, да еще в тепле - это настоящая мука. Тут может задремать даже сам генерал, не говоря уже о рядовом бойце. И все же надо выдержать. Машкин может и не знать, не заметить этого, но совесть загрызет, если закроешь глаза.

Лежать долго не пришлось. Не успели еще бойцы хорошо всмотреться в лесок, что синел перед холмом, как из-за недалеких кустов вынырнули и скачками бросились по болоту два вооруженных человека. По коротким ногам и широким плечам бойцы сразу узнали Грицко, а то, что второй был Михал, подразумевалось само собой. Машкин дал сигнал сбора. Грицко и Михал сообщили, что на рассвете в деревню пришло много немцев с танками и бронемашинами, у околиц выставлены посты, поэтому пробраться в деревню не удалось. Говорили они только с одним пастушком-подростком, - он шел куда-то с котомкой и кнутом, хотя никакого стада с ним не было. Пастушок сказал, что встретил хуторянина в деревне, но никакой чужой женщины не видел.

- Надо идти, - шепотом, чтоб не услышала Светлана, сказал один из бойцов, - а то всем будет тут конец.

Грицко глянул на этого бойца так, что тот готов был сквозь землю провалиться. Светлана все же поняла, что он прошептал, посмотрела на Машкина, и под сердцем у нее похолодело. В серых, прищуренных глазах командира снова мелькнула растерянность. На его месте каждому было бы не легко принять решение, а Машкину тем более. Не было еще у него умения

быстро и самостоятельно оценивать обстановку.

- Я не уйду отсюда... - приглушенно сказала Светлана и заплакала. - Я останусь искать Зину.

- И я останусь, - подхватил ее слова Грицко. - Не плачь, Светлана, никто без Зины не уйдет.

Было решено обыскать на рассвете весь лес и в случае вражеской облавы огня не открывать, а как можно лучше маскироваться и маневрировать. Каждый боец получил определенный участок. Условились о сигналах связи и сбора.

Грицко пришлось идти самым крайним на левом фланге, далеко от дороги. С ним отправилась и Светлана. Не прошли они и сотни шагов, как вдруг девочка остановилась и схватила Грицко за локоть.

- Вот, глядите! - прошептала она, показывая дрожащей рукой влево от себя.

Грицко приставил ко лбу ладонь, стал шарить глазами по кустам лозняка, росшего по краям болота. Более высокие кусты до середины были еще окутаны синевато-мутным предрассветным туманом, а маленькие утопали в тумане совсем.

- Ничего не вижу, - тихо с сожалением проговорил Грицко.

Светлана молчала. Наверно, и она теперь ничего не видела. Глаза девочки заволокло слезами. Грицко лег, стал смотреть поверх травы.

- А что ты там видела, Света? - мягко спросил он.

Девочка напряженно смотрела в то место, которое минуту назад так обрадовало ее, и готова была разрыдаться от отчаяния, от того, что теперь там ничего, кроме кустов, не видно.

- Мне показалось, что там Зинин черный платок.

Грицко поднялся, молча взял Светлану за руку.

- Пойдем, - ласково сказал он. - Так со многими бывает. Мне вот тоже казалось, что вижу Зину, когда шел сюда из деревни.

Сделали еще несколько шагов, и опять Светлана остановилась, опять рука ее задрожала. На этот раз Грицко услышал, что из-за кустов, на которые показывала девочка, донесся слабый, протяжный голос. Кто-то звал Светлану. Грицко подал знак бойцам и кинулся к лознякам.

Зина лежала под кустом в болотной тине. Изнеможение, мучительная боль в голове и во всем теле задержали ее в дороге. Напрягая последние силы, девушка пыталась прийти в лагерь до рассвета, но сама не заметила, как сбилась с дороги, заблудилась. Когда стало светать, она поняла, что идет не в ту сторону, но уже иссякали последние силы, ноги подкашивались, перед глазами всплывали желтые круги. Неожиданно попав в трясину, Зина уже не могла выбраться оттуда.

На стоянку бойцы перенесли Зину на руках, а там шофер сразу же вспомнил свои прежние обязанности. Он разыскал две сухие жердины и за несколько минут смастерил носилки.

Вышли из временного лагеря перед самым восходом солнца. Первые ласковые лучи брызнули бойцам в глаза, как только они перешли болото.

Несколько дней Зина не могла передвигаться сама, ее несли бойцы на носилках. После той страшной ночи у девушки нестерпимо ныли руки и ноги, голова раскалывалась от боли. Все эти дни бойцы сами ходили в разведку, а в наиболее опасные места, куда самим идти не следовало, посылали Светлану. Девочка будто повзрослела за это время. Когда она поняла, что очень нужна группе, что по-настоящему помогает бойцам, смелее и энергичней стали светиться ее голубые, чистые глаза. Она, казалось, не чувствовала ни усталости, ни страха. Зине было радостно смотреть на нее. В погожие дни Светлана иногда развязывала свой платок, и ее светлые волосы золотом отливали на солнце.

Теперь Светлана не стеснялась снимать с головы платок. Ранка ее зажила, и хотя на том месте, где была сильно оцарапана кожа, волосы не росли, это уже не очень тревожило девочку. Если заросла рана, то небось вырастут и волосы. А после того как Грицко поработал над Светланиными волосами своими ножницами, прическа ее стала совсем красивой, с ней можно было жить не только в лесах и болотах, а даже и в городе.

- Пусть бы и вас Грицко подстриг, - сказала она тогда Зине, смотрясь в маленький зеркальный осколок. Она подняла его в деревне из кучи мусора. Он так ярко блестел на солнце, что она не могла не поднять его.

У Зины волосы были гораздо темнее, чем у Светланы, и, пожалуй, не такие красивые, но она не хотела обрезать их. Все равно ей редко приходится ходить без платка, да и теперь ли заботиться об этом. Зина тяжело переживала, что выбыла из строя в такое суровое время и доставляет лишние хлопоты товарищам в сложном походе. И за Светлану болело сердце. Очень уж она много ходит сейчас, много рискует. На днях даже принесла горлач кислого молока.

- И с горлачом тебе отдали? - спросила Зина.

- Нет, горлач надо отнести, - ответила девочка. - Я сказала бабушке, что моя мама, это значит вы, - улыбнулась Светлана, - осталась неподалеку на дороге, что она захворала и не может идти.

"Если случится что-нибудь с девочкой, тогда погибнем. И теперь уже бойцы неизвестно на кого похожи: почерневшие от

трудных переходов и от голода, оборванные, обшарпанные, некоторые почти босые. Да и с такой разведкой, которая ведется теперь, далеко не прыгнешь".

Хотя почти целыми сутками бойцы идут, хотя на отдых отводятся считанные минуты, все равно продвигается группа очень медленно. Ведь надо на ходу производить разведку, определять маршрут. Надо, наконец, и есть что-нибудь и пить чистую воду. После того как наиболее терпеливый и выносливый узбек покорчился от боли в животе, выпив болотной воды, Машкин запретил брать воду из луж и канав.

Одним словом, Зина чувствовала, что, если так плестись все время, их могут настигнуть осенние холода, и тогда пропали все их планы. По глазам, по отдельным осторожным репликам она замечала, что и некоторые бойцы этого боятся, только скрывают свои мысли и от товарищей и от самих себя. Поэтому самое важное сейчас - поправиться, стать на ноги. Тогда и за Светланой можно будет лучше присматривать и за бойцами, а разведку вести так, чтобы двигаться быстро и с меньшими помехами. После тяжелого испытания, которое пришлось пережить на том злосчастном хуторе, все казалось уже нестрашным, росла уверенность, что больше уже никакому злыдню не удастся ее перехитрить.

И вот наступил день, когда Зина после болезни пошла в разведку. Радостным был этот день. Бойцы сидели в густом кустарнике и ждали ее с минуты на минуту. Каждый замечал на себе или на своем друге что-то такое, из-за чего только бы вздыхать и вздыхать. У кого ноги разбиты и ободраны так, что смотреть на них страшно, у кого плечо голое, исполосованное сухими ветками. Однако теперь это почти не угнетало. Все наладится, если Зина взялась за дело, все пойдет хорошо.

Не видно было прежней бодрости только на лице Михала. Он сидел чуть в стороне от группы и молча плел из коры можжевельника лапти. Не очень прочные получались лапти из этой коры, их едва хватало на один хороший переход, но зато всюду в Белоруссии много такого материала, и добывать его не трудно. Можжевельник можно драть все лето. Отчего был невесел Михал, никто не знал, однако товарищи заметили, что уже со вчерашнего дня он поглядывал все больше под ноги, отводил от бойцов хмурое лицо.

Когда вернулась Зина, парень немного повеселел, стал прислушиваться, о чем докладывает она Машкину. Но вскоре опять задумался, и кочедык в его руках стал ходить медленно и неуверенно.

- Хотите, я вам сплету лапотки? - предложил он Зине, когда

группа уже собралась идти дальше.

Он умышленно не взглянул на Зинину обувь: ему казалось, что девушка может смутиться, покраснеть.

- Спасибо, - ответила Зина. И в самом деле она немного смутилась, взглянув на свои ноги. - У меня туфли еще крепкие, ничего, что подвязаны веревочкой. Я же сколько дней не ходила.

- Сплету про запас, - объявил Михал. - Вот только остановимся.

В дороге он все время держался около Зины, все пытался что-то сказать, чем-то поделиться с нею. Наконец неловко закряхтел, словно что-то застряло у него в горле, и нерешительно спросил:

- Около той деревни, - вы ее сегодня называли, - около Заболотья, мы недалеко будем проходить?

Зина замедлила шаг, с любопытством посмотрела на парня.

- Совсем близко, - ответила она. - А что?

- Да так, - смущенно произнес Михал.

Несколько минут Зина шла молча, не задавала вопросов, только незаметно поглядывала на парня. Если Михал замечал эти взгляды, то, видимо, очень волновался, ибо в них отражались и сочувствие, и удивление, и даже подозрительность. Кто знает, может, и замечал он все это.

Наконец, когда они немного отстали от группы, Зина сказала:

- Ваша деревня будет приблизительно в километре от нас.

- Откуда вы знаете, что моя? - удивленный неожиданностью, спросил Михал.

- Чувствую, - ответила Зина. - Да и помню наш разговор в первые дни знакомства.

- Да, это моя деревня, - искренне заговорил Михал. - Мое Заболотье! Двое суток уже об этом думаю, ощущаю запах наших лесов, наших болот, но не говорю хлопцам, боюсь, не подумали б чего плохого...

- Немцев в Заболотье нет, - еще сама не зная, для чего она это делает, сообщила Зина.

Михал насторожился, его живые черные глаза взволнованно заблестели.

- Ну и что, если нет? - возбужденно спросил он. - Ну и что? Неужели вы думаете?..

Зина взяла его руку и успокаивающе пожала.

- Я ничего плохого не думаю, - тихо сказала она и невольно прислушалась к своим словам: так ли это в самом деле или нет?

- Мать у меня все время перед глазами, - продолжал Михал. - Кажется, если б можно было хоть на один миг увидеть ее или хоть узнать, жива она или нет... Но я уже решил: не пойду. Пусть хоть что, а не пойду, не задержу хлопцев.

- Проведать надо было бы, - рассудительно проговорила Зина. - Хотите, я скажу Машкину? Он разрешит.

- Не надо, - отказался Михал. - Пошли вперед, вам же дорогу показывать.

Долго боец шел молча, потупив глаза. На узкой лесной дорожке уже стало сумрачно, и тишина воцарилась такая, что казалось, самый осторожный шаг слышен издалека. В такие часы вся группа больше напрягала слух, чем зрение. Михалу хотелось верить, что скоро, как только они поравняются с его деревней, он услышит хоть какие-нибудь звуки, знакомые с детства, незабываемые. Может, кому из соседей понадобится набрать в колодце ведро воды на ночь. Заскрипит журавль, и Михал сразу скажет, чей это журавль. А может, мать как раз выйдет по воду, тогда Михал узнает скрип своего журавля...

Чем ближе подходили к деревне, тем сильнее волновался Михал, тем больше напрягал слух. Однако от деревни не доносилось ничего, словно ее тут и не было. Мрачная тишина вокруг и молчание Михала стали нагонять тоску и на Зину. Проникновенно взглянув на бойца, она опять предложила:

- Давайте я все-таки скажу Машкину. Остановимся тут хоть на час.

- Не надо, я вас прошу, - ответил Михал. - Не хочу я, чтобы хоть одну минуту хлопцы тревожились из-за меня. Хватает тревоги и без этого. А главное, не хочу, чтоб вы тревожились.

- Я не буду тревожиться, - чуть слышно сказала Зина, и в голосе ее прозвучала теперь такая сердечность, что Михал сразу почувствовал ее.

- Я очень хочу, чтоб вы во всем верили мне, - благодарно сказал он. Мне тогда будет легче.

Зина, только для того чтобы изменить разговор, спросила:

- У вас только одна мать и осталась дома?

- Еще сестра была. Моложе меня.

- А больше никого? - Тут у Зины вырвался чисто девичий смешок, но это не обидело Михала. Наоборот, ему даже стало радостно, что за все время знакомства она впервые так заговорила с ним.

- Больше никого, - искренне признался Михал. - Совсем никого.

Зина опять усмехнулась:

- А вот эта кофточка, которая на мне, все-таки не для матери покупалась. Правда? Она же слишком веселая для старой женщины.

- Ей-богу, для матери, - уверял боец. - Это у меня такой вкус неважнецкий.

- Ну, ничего, - оборвала Зина неловкий спор. - Это я просто так, чтобы разогнать вашу печаль. Окончится война, тогда все будет просто и ясно. Найдем и матерей своих, и знакомых, и любимых. Всех найдем.

- А в войну?..

Михал долго ждал ответа, но девушка молчала. Он тоже шел молча, и глубокое раздумье снова начинало овладевать им. Залаяла за лесом собака, и боец остановился, начал старательно прислушиваться. Ему показалось, что это их Шарик подал голос, и сердце взволнованно, сладостно затрепетало. - Чего ты? - спросил Грицко, чуть не наступив товарищу на пятки.

- Ничего, - ответил Михал и твердым шагом пошел дальше.

Прошли еще две недели напряженного, почти непрерывного похода. Бойцы стали замечать, что чем дальше, тем все больше и больше попадается на дороге немцев. Самолеты ревели над лесом и днем и ночью. Часто прямо над головами бойцов происходили воздушные бои. Идти так, как раньше, было уже нельзя: разведку надо было производить очень осторожно и точно, совершать глубокие обходы, каждую ночь пробиваться сквозь густые леса, месить непролазные болота, переплывать реки. Часто случалось так, что разведывательного опыта Зины и Светланы было уже недостаточно, приходилось брать проводников из населения.

На всю жизнь останутся в памяти бойцов эти простые, честные люди проводники. Сколько выдержки и мужества проявила группа во время похода, а все это выглядело чуть ли не малозначительным в сравнении с той самоотверженностью, на которую были способны проводники. Идет себе человек впереди, и шаг его тверд, глаза светятся решимостью. Он знает, что в любую минуту может наткнуться на врага, что первая пуля попадет в него, но он идет, идет без колебаний. Предложи ему вернуться - не вернется, пока не доведет до надлежащего места. А что это были за люди? Обычные белорусские колхозники, чаще всего старики или женщины, матери маленьких детей.

Все бойцы чувствовали, что фронт уже недалеко. Об этом говорили и проводники. Прибавлялось волнения, но радостно было, что фронт приостановился, что заветная цель, ради которой было столько пережито, была уже не за горами. Теперь надо было использовать каждый, хоть сколько-нибудь удобный момент, чтобы как можно ближе подойти к фронтовой линии, найти самое слабое место и прорваться. Прорваться, где бы эта линия ни проходила: в лесу, на болоте или даже на сплошном озерном плесе. Всякие преграды на пути готова была преодолеть группа и ко всякой возможности прорыва готовила себя. Можно будет пробраться тихо - пробираться, ползти, плыть, бежать;

понадобится взяться за оружие - взяться, пробиваться пулями и гранатами.

Наступила наконец та ночь, которая должна была решить все. Это была еще летняя ночь, хотя роса на траве и вода в болоте были уже холодноватыми, хотя на плесе лесного лужка или озера можно было заметить при свете луны сизый осиновый листок или желтый березовый. Бойцы пробирались заболоченными кустарниками. Тихо было всюду, хотя несколько часов тому назад где-то слева шел бой, видно очень жестокий: слышались частые разрывы снарядов, залпы немецких орудий, долетало с ветром твердое стрекотание пулеметов. Теперь только ракеты вспыхивали над лесом, и черт знает, кому был нужен этот их холодный трепещущий свет.

По всем сведениям, которые имела группа, за этими непролазными кустами должна начинаться так называемая нейтральная полоса, если можно представить такую вообще, а там, дальше, за глубоким яром, - позиции наших войск. Если бы кустарник тянулся до самого яра, то более удобного места для перехода нельзя было бы себе представить, но перед яром есть одна прогалинка, и обойти ее невозможно: с левой стороны - немецкие укрепления, а с правой большое озеро. Поискать чего-нибудь лучшего уже не было времени, да и смысла в этом никакого; ведь тут, на узком промежутке, по всем сведениям, нет вражеской заставы, а если свернуть правей, на другую сторону озера, то там, возможно, немец на немце сидит.

Пока добрались до конца кустарников, стал приближаться рассвет. Это и хорошо, потому что в такую пору оккупанты любят спать, но это и плохо: если сейчас произойдет хоть небольшая задержка, мрак поредеет, и немцы смогут заметить пластунов на прогалине.

Дорожа каждой минутой, каждым мигом, бойцы, насквозь промокшие, истерзанные, вылезли из кустистого лозняка, передохнули, осмотрелись и рядами, на расстоянии шагов трех друг от друга, поползли по щедрой предрассветной росе дальше. Зина и Светлана ползли посредине.

Каждое крохотное движение вперед болью и радостью отзывалось в сердце. Приближалась цель, приближалась и самая страшная за все время пути опасность. А рассвет, словно ничего не зная о таком положении бойцов, не медлил, быстро подплывал с востока, подбеливал и рассеивал туман, придавал снежный цвет росе. Что бы ему хоть немного подождать!

Полевой клевер, пырей, переспелый щавель и другие травы на прогалине, которая, видимо, недавно засеивалась, были густые, спорые, но невысокие. Светлана судорожно хваталась

руками то за кустик щавеля, то за клевер, прятала в зелень лицо и с тоской убеждалась, что все эти растения не могут скрыть не только ее всю, но даже только одну голову. Почти впервые ползла она на таком голом месте. Где бы ей ни приходилось раньше ползти, всюду были хоть какие-нибудь кочки, деревца, хоть какое-нибудь прикрытие, а тут ничего. Светлане казалось, что если сейчас громыхнет сбоку или сзади, то обязательно попадет ей в голову. За время после первого ранения у девочки только сейчас вновь появилось это ощущение.

Невдалеке взвилась ракета, прочертила высокую дугу над прогалиной и упала, уже мало что осветив. Машкин даже услышал треск ракетницы. Этот выстрел не только насторожил его еще больше, а с леденящим ужасом отозвался внутри. Если отсюда так хорошо слышен этот слабый выстрел, значит, фашист совсем близко, значит, одно из двух: или их сведения были неточны, или в ночь сюда подошла новая застава. Хорошо, если фашист, дремля, пустил эту ракету. А если он следит за прогалиной? Тогда в любой миг может поднять тревогу.

- Быстрей вперед! - подал Машкин команду своей цепочке.

Хотя до яра было еще далеко, Машкину казалось, что он уже видит его. Мелькнула даже мысль, что не стоит ползти, а лучше подняться и одним рывком достичь яра. Что бы ни случилось, а группа будет в яре! Это решение овладело всем его существом, и он подумал: "Никакая сила не заставит отступить от него!" То ли потому, что так угрожающе нависла опасность, то ли из-за крайнего душевного напряжения, но в эти минуты Машкин не чувствовал ни оцепенения, ни растерянности, ни страха. Всеми силами он стремился все замечать, правильно оценивать и чувствовал, что способен отдавать такие приказы, которые обязательно спасут группу.

Еще один ракетный выстрел долетел до его ушей. На пластунском ходу Машкин повернул голову, посмотрел на синеватое уже небо. Прямо над его головой, словно злосчастная звезда, повисла ракета. Машкин еще больше напрягся, чтобы ползти быстрей, - ему казалось, что, если хоть немного помедлить, ракета упадет ему на плечи. Это уж, конечно, последняя ракета: дремлет немец перед рассветом и пускает. А как только раскроет веки, поймет, лихо его возьми, что ракеты теперь уже мало помогают, что, хорошо присмотревшись, можно увидеть прогалину и без ракет.

Эти мысли Машкина оборвал еще один выстрел, но более гулкий, чем из ракетницы. Вслед за ним раздался второй и третий, и даже Машкину послышалось, что там позади кто-то дико закричал.

- За мной! - подал он команду, вскочил и, согнувшись, побежал в сторону яра.

Он не видел, а чувствовал, что за ним побежали все. Еще секунда, еще. Не чуешь под собой ног, не слышишь, как шумит резковатый ветерок у влажных от росы ушей. Первая пулеметная очередь. Ее тоже будто бы не слышно, только сам собою ускоряется бег, глаза ищут яр впереди. После второй, очень длинной очереди Машкин глянул вправо и сначала ощутил, а потом уже увидел, что бегут не все.

- Ложись! - скомандовал он, поняв, что рывок не удался.

Бойцы попадали и уже без команды, а просто по примеру командира начали выбирать удобнейшие места для обороны. К их счастью, место здесь было немного ниже того, где они были минуту назад. Как только бойцы, прежде чем нажать на спусковые крючки винтовок, глянули на поле, они увидали невдалеке перед собой Зину и Светлану. Они лежали неподвижно на самом высоком месте прогалины. Михал и Грицко без всякой команды поползли туда. Немецкий пулемет бил теперь короткими очередями, но прицельно, то по одному бойцу, то по другому. На тот пригорок, где лежали Зина и Светлана, пули теперь не летели, видимо, немцы решили, что эти жертвы уже никуда не денутся. Но как только туда стали ползти бойцы, огонь возобновился. Ответные винтовочные залпы немного насторожили врага, но очень скоро, наверно, пришло подкрепление, потому что стреляло уже несколько пулеметов.

Когда Грицко и Михал подползли ближе к пригорку, они сразу заметили, что Зина и Светлана живы, но шевелиться им нельзя, потому что они прямо на прицеле. Во время короткого промежутка между пулеметными очередями Грицко услышал, что Светлана как-то приглушенно плачет, - и сердце у него заныло.

- Что у вас? - крикнул он Зине.

- Светлана ранена в ноги, - ответила Зина.

- А вы?

- Я нет... Надо спасти Светлану.

- Ползите вниз! - сурово приказал Грицко. Он стал осторожно, чуть ли не вдавливаясь в землю, подползать к Светлане, а Зина все лежала и не шевелилась.

- Сейчас помогу, - встревоженно сказал ей Михал.

Он подумал, что Зина тоже ранена, но скрывает это. Однако, когда он, сплевывая крупинки земли, попадавшие в рот от взрывов пуль, приблизился к девушке, она вдруг резко двинулась в сторону и заслонила собою Светлану, которую в это время Грицко стал тянуть за собой. Зина ползла, не отрывая глаз от окровавленных ног девочки. Она слышала, как при каждом

усилии Грицко Светлана глухо, жалобно всхлипывала, видела, как смешивались с росной травой ее светлые, отросшие за эти недели волосы (платок где-то потерялся в пути), а больше ничего не видела и не слышала. Так она переползла пригорок, проползла еще немного, а потом, чем дальше, тем все слабее стали перемещаться ее локти. Михал бросился на помощь...

В яре Машкин протер мокрым и, казалось, горьким от порохового дыма рукавом глаза, глубоко вздохнул и позвал к себе бойцов. Каждому, кто подбегал, он приказывал:

- Сейчас же выступать, потому что откроют огонь из минометов.

Подбежали далеко не все. Машкин заметил это, но в душе простил тем, кто не выполнил его приказа. Он понимал, что если, к примеру, Михал и Грицко не подбежали, значит, они не могли этого сделать. Что-то нехорошее случилось и с девчатами, если и они не явились. Идя пригнувшись по заплесневелому от сырости яру, командир посмотрел в лицо шоферу, узбеку, еще трем бойцам, и по их лицам понял, что они вышли из боя невредимыми.

Михал и Грицко находились немного в стороне. Грицко торопливо скручивал из лозы жгуты и перевязывал ими Светлане ноги выше колен, а Михал стоял, наклонившись над Зиной. На кого все они теперь были похожи? Мокрые, грязные, по многу раз простреленные лохмотья свисали с плеч, с рукавов; от можжевеловых лаптей Михала не осталось и следа. У Грицко даже поясной ремень был в нескольких местах исцарапан осколками разрывных пуль.

С глубокой тревогой и болью подходил Машкин к своим товарищам. Подойдя, молча опустился возле Зины на колени, испуганно взглянув Михалу в глаза. Боец плакал...

Выходили они из яра перед самым восходом солнца. Михал нес на руках Зину, а Грицко - Светлану. Девочка держалась за его шею, а Зинина правая рука, пробитая пулями, как и все ее тело, беспомощно свисала и омертвело раскачивалась. За Михалом и Грицко шли Машкин, шофер и остальные бойцы. Они шли, плотно прижимаясь друг к другу, чтобы, если понадобится, заслонить своими спинами тех, кто был впереди. Еще минута, и должен засиять первый солнечный луч, еще минута, и должны показаться наши позиции.

1957